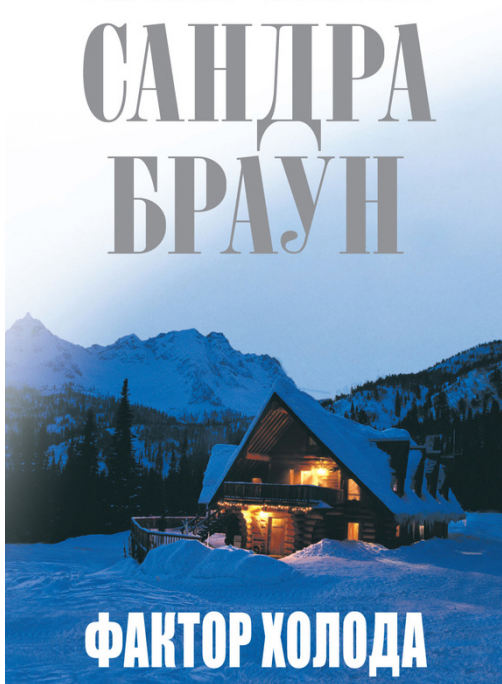

#1 NEW YORK TIMES – BESTSELLING AUTHOR

САНДРА
БРАУН

ФАКТОР ХОЛОДА

Сандра Браун Фактор холода

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8329487
Фактор холода / Сандра Браун: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-45077-0

Аннотация

Они познакомились полгода назад и сразу понравились друг другу: Лилли Мартин, редактор женского журнала, и Бен Тирни, журналист, пишущий о путешествиях.

А теперь при загадочных обстоятельствах встретились высоко в горах и оказались запертыми в коттедже в снежную бурю. Их по-прежнему влечет друг к другу, но Лилли все больше одолевают сомнения... Этот обаятельный красавец определенно что-то скрывает, а вся округа живет в страхе: за последние два года в маленьком городке Клири, затерянном в горах Северной Каролины, бесследно пропали пять женщин. Лилли чувствует, что Бена подозревают и агенты ФБР, расследующие дело, и ее бывший муж Датч Бертон, шеф местной полиции, и все жители городка, устроившие охоту на человека при первой возможности...

Книга также выходила под названиями «Аптекарь, его сестра и ее любовник» и «Метель в моем сердце».

Содержание

1	5
2	8
3	14
4	20
5	27
6	34
7	46
8	56
9	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Сандра Браун

Фактор холода

Sandra Brown Chill Factor

By arrangement with Maria Carvainis Agency, Inc. and Permissions&Rights, Ltd.

Translated from the English Chill Factor © 2005 by Sandra Brown

Management Ltd. First published in United States by Simon & Schuster, New York

© Миронова Н., перевод на русский язык, 2010

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

* * *

1

Могила оказалась, мягко говоря, нестандартной.

Если верить прогнозу погоды, надвигающаяся снежная буря обещала побить все рекорды.

Могила – небольшое углубление в твердой как камень земле – предназначалась для Миллисент Ганн: возраст – восемнадцать лет, короткие каштановые волосы, хрупкое сложение, рост – пять футов четыре дюйма¹, объявлена в розыск неделю назад. Могила была вырыта ей по росту. В глубину она была, конечно, мелковата, но при желании ее можно было углубить весной, когда земля оттает. Если, конечно, хищники не растащат тело на куски еще до весны.

Бен Тирни перевел взгляд со свежевырытой могилы на соседние. Их было четыре. Валежник и палая листва обеспечивали естественный камуфляж, и все же каждая из могил была по-своему приметна, каждая неуловимо меняла грубый рельеф почвы. Их можно было найти, только если знать, где и что искать. Одну из них целиком скрывало поваленное дерево, и различить ее мог лишь человек, наделенный зорким глазом.

Как Тирни.

Он бросил последний взгляд на пустую неглубокую могилу, подобрал заступ, лежащий у ног, и отступил. При этом он заметил, что его башмаки оставляют темные следы на обледелой земле. Это его не слишком встревожило. Если метеорологи не соврали, следы скоро будут скрыты под слоем снега толщиной в несколько дюймов. А когда земля оттает, следы поглотит грязь.

Как бы то ни было, он не стал ничего предпринимать насчет этих следов. Ему надо было спуститься с горы. Как можно скорее.

Свою машину он оставил на дороге, в паре сотен ярдов² от импровизированного кладбища на вершине. Никакой тропы, ведущей обратно к дороге, в густых зарослях не было. Толстый ковер палой листвы скрывал предательские неровности почвы и почти не давал опоры ногам, а сильный ветер, швырявший ледяную воду ему в лицо, сужал и без того ограниченную видимость. И хотя он спешил, ему приходилось продвигаться вперед с величайшей осторожностью, чтобы не оступиться.

Служба погоды загодя объявила штормовое предупреждение. Случайное сочетание сразу нескольких природных факторов породило одну из самых страшных снежных бурь, когда-либо отмечавшихся в истории метеорологических наблюдений. Людям, проживающим в районах ее вероятного распространения, советовали принимать меры предосторожности, укреплять свои жилища, запасаться провизией и отказаться от поездок. Только безумец рискнул бы в такой день взбираться на гору. Или человек, которому нужно было уладить неотложное дело.

Как Тирни.

Холодная изморозь, сеявшаяся с самого полудня, превратилась в ледяной дождь. Катяшки замерзшей воды секли его по лицу подобно когтистой плетке, пока он пробирался по лесу. Он ссутулил плечи и поднял воротник куртки до ушей, уже онемевших от холода.

Скорость ветра заметно усилилась. Деревья стонали и гнулись, трещали сучьями под его беспощадными порывами. Ветер сдирал сухую хвою с сосен и увлекал ее за собой. Одна иголка, словно выпущенная из духовой трубки, впилась ему в щеку.

¹ 1 фут равен примерно 30,5 см, 1 дюйм – 2,5 см. (Здесь и далее прим. пер.)

² 1 ярд примерно равен 1 м.

«Северо-западный, двадцать пять миль³ в час», – машинально отметил он той частью своего сознания, которая всегда, независимо от его воли, регистрировала окружающую обстановку. Такие вещи, как время, температура, направление и скорость ветра, свое местоположение, он умел определять инстинктивно, словно в него при рождении вмонтировали флюгер, часы, термометр и систему навигации, постоянно транслирующую нужные данные ему в подсознание.

Да, это был врожденный талант, который он отточил до блеска. Его внутренняя антенна всегда была тонко настроена: ведь большую часть своей жизни он провел под открытым небом. Ему не требовалось сознательно фиксировать в уме бесконечный поток данных, но он часто пользовался своим умением схватывать их мгновенно, когда было нужно.

Вот и сейчас он полагался на свое чутье. Разве он мог допустить, чтобы его застigli на вершине пика Клири – второго по высоте в Северной Каролине после горы Митчелл – с заступом возле четырех старых могил и одной свежеврытой?

Впрочем, полиции города Клири он не опасался: она никак не могла похвастаться блестящей раскрываемостью. Напротив, она стала всеобщим посмешищем. Недавно во главе местного департамента встал один из «бывших»: детектив Бертон, с позором изгнанный из полицейского управления Атланты⁴. «Столичная штучка» Датч Бертон возглавил провинциальных полисменов, туповатых мужланов в отутюженной униформе с начищенной до блеска эмблемой, не способных поймать даже хулигана с баллончиком аэрозольной краски, распиливающего похабщиной мусорные контейнеры на заднем дворе бензоколонки.

Правда, в последнее время им было не до мелкого хулиганства: они переключились на расследование пяти дел о пропавших без вести женщинах. Местным Шерлокам, несмотря на всю их бестолковость, все-таки хватило ума сообразить, что, если пять женщин пропали без вести в небольшой общине за два с половиной года, это, скорее всего, не случайное стечение обстоятельств.

В крупном мегаполисе такая статистика вряд ли произвела бы сильное впечатление, там каждый день случаются вещи и пострашнее, но здесь, в малонаселенном горном районе, она была угрожающей.

По всеобщему убеждению, пропавшие женщины стали жертвами маньяка. Их, скорее всего, уже не было в живых, поэтому на повестке дня стояли поиски не самих женщин, а их останков. И человек, идущий по лесу с заступом в руках, неминуемо вызвал бы подозрение.

Например, Тирни.

До сих пор ему удавалось не засветиться на радарх шефа полиции Бертон. Он был твердо намерен и дальше держаться в тени. Это был вопрос жизни и смерти.

В такт своим шагам он начал перебирать в уме сведения о женщинах, похороненных на вершине. Кэролин Мэддокс, двадцать шесть лет, пышная грудь, красивые черные волосы, большие карие глаза. Объявлена в розыск в октябре прошлого года. Мать-одиночка, единственный источник существования для сына-диабетика. Зарабатывала на жизнь уборкой комнат на одной из местных туристских баз. Ее жизнь была беспросветной чередой тяжелого труда и испытаний.

Зато сейчас Кэролин Мэддокс могла наслаждаться миром и покоем сколько душе угодно. Как и Лорин Эллиотт, незамужняя блондинка, медсестра местной клиники, страдавшая избыточным весом.

Бетси Кэлхаун, домохозяйка, вдова. Она была старше остальных.

Торри Ламберт. Самая первая из них, самая юная, самая хорошенькая и единственная, не являвшаяся местной уроженкой.

³ 1 миля равна 1,6 км.

⁴ Город Атланта – столица штата Джорджия.

Тирни ускорил шаг, стараясь обогнать не только непогоду, но и преследующие его мысли. Стволы и ветви деревьев стали покрываться наледью. Выступающие из земли валуны блестели, словно облитые глазурью. Шоссе, ведущее в Клири, круто петляло под уклон. Вскоре по нему невозможно будет проехать. Он должен убраться с проклятой горы, пока этого не случилось.

К счастью, внутренний компас не подвел его и на этот раз: он вышел из леса всего в двадцати шагах от того места, где вступил в него, и ничуть не удивился, увидев, что его машина уже покрылась ледяной коркой. Тяжелый спуск с вершины утомил его, учатившееся дыхание вырывалось изо рта белыми облачками пара. Впрочем, одышка и учащенное сердцебиение могли быть вызваны вовсе не усталостью, а тревогой. Чувством бессилия. Или сожаления.

Он спрятал заступ в багажник, стянул с рук латексные перчатки, швырнул их туда же и захлопнул крышку. Потом забрался в машину и торопливо прикрыл дверцу, радуясь защите от жестокого ветра.

Его пробирала дрожь. Он подул на руки и энергично потер их в надежде восстановить кровообращение. Латексные перчатки были необходимы, но от холода они не спасали. Он вытащил из кармана куртки пару кожаных перчаток на шерстяной подкладке и натянул их.

Повернул ключ зажигания.

Ничего.

Он нажал на акселератор и попытался еще раз. Мотор даже не кашлянул. После нескольких безуспешных попыток он откинулся на спинку сиденья, сверля взглядом деления на приборном щитке, словно они могли подсказать ему, что он делает не так.

Еще одна, последняя попытка. Двигатель так и не ожил. Он был так же мертв, как и женщины, похороненные там, на горе.

– Черт! – Он забарабанил кулаками по рулю и уставился прямо перед собой на ветровое стекло, хотя смотреть там было решительно не на что. Стекло полностью затянулось льдом и покрылось морозным узором. – Тирни, – пробормотал он, – ты в полной заднице.

2

– Ветер усилился. Идет дождь со снегом, – заметил Датч Бертон, занавешивая окно. – Нам пора выбираться отсюда.

– Сейчас освобожу эти полки, и все. – Лилли сняла несколько книг с одной из полок и уложила их в коробку.

– Ты всегда любила читать, когда мы бывали здесь.

– Только здесь у меня было время почитать последние бестселлеры. Здесь меня ничто не отвлекало.

– Ну, разве что я, – пошутил Датч. – Помню, как я изводил тебя вопросами. Тебе приходилось откладывать книгу и отвечать мне.

Сидя на полу, она бросила взгляд на Датча и улыбнулась, но не поддержала разговор о том, как чудесно они проводили свободное время в своем горном убежище. Поначалу они приезжали сюда на выходные и на праздники, чтобы сбежать из Атланты, где сумасшедший рабочий ритм буквально валил их с ног.

Потом они стали приезжать сюда, просто чтобы сбежать.

Она упаковывала свои личные вещи, которые собиралась забрать с собой. Больше она сюда не вернется. Не вернется и Датч. Это последняя страница – по сути дела, эпилог – их совместной жизни. Она от души надеялась, что это последнее прощание пройдет по возможности в деловом ключе. Он же, напротив, изо всех сил старался увлечь ее за собой на аллею воспоминаний.

То ли он пытался облегчить собственную душу, поминая добрые старые времена, то ли хотел разбедить душу ей, в любом случае она решительно не желала в этом участвовать. Плохого в их совместной жизни было настолько больше, чем хорошего, что любые воспоминания бредили старые раны.

Она вернула разговор в практическое русло:

– Я сделала копии со всех документов для продажи коттеджа. Они в конверте вместе с чеком на твою половину денег.

Он взглянул на плотный конверт из коричневой бумаги, лежащий на кофейном столике, но не притронулся к нему.

– Это несправедливо. Почему я должен получить половину?

– Датч, мы уже не раз это проходили. – Лилли загнула все четыре клапана картонной коробки и заклеила ее. Хотелось бы ей с такой же легкостью покончить с этим спором.

– Дом куплен на твои деньги.

– Мы купили его вместе.

– Но без твоей зарплаты мы бы его не купили. На одну мою мы бы его не потянули.

Она подтолкнула коробку к двери, потом поднялась на ноги и повернулась к нему.

– Мы были женаты, когда купили его. Мы пользовались им совместно.

– Мы были женаты, когда занимались в нем любовью.

– Датч...

– Мы были женаты, когда ты подавала мне кофе по утрам и на тебе ничего не было, кроме улыбки и вот этого. – Он кивком указал на плед крупной вязки, брошенный на спинку кресла.

– Прошу тебя, не делай этого.

– Это моя реплика, Лилли. – Он сделал шаг к ней. – Прошу тебя, не делай этого.

– Все уже сделано. Мы занимались этим последние полгода, и теперь дело сделано.

– Ты могла бы все это отменить.

– Ты мог бы с этим смириться.

– Я никогда с этим не смирюсь.

– Это твой выбор. – Лилли помолчала, вздохнула. – Выбор всегда был за тобой, Датч. Ты не способен принять перемены. Ты ни с чем не можешь расстаться.

– Я не хочу расставаться с тобой.

– Тебе придется.

Она отвернулась от него, подтянула пустую коробку поближе к полкам и начала торопливо набивать ее книгами. Ей хотелось уехать поскорее, но приходилось говорить ему неприятные вещи. Он никак не желал понять, что их браку пришел конец.

Несколько минут прошли в тягостном молчании, нарушаемом лишь воем ветра в кронах деревьев вокруг коттеджа. Сучья все яростнее стучали по скатам крыши.

Ей хотелось, чтобы он уехал первым, чтобы не видел, как она покидает охотничий домик. Зная, что они навсегда покидают этот дом, он мог развалиться на части и устроить ей слезливую сцену. Лилли не раз приходилось выдерживать подобные сцены в прошлом, она была сыта ими по горло. Она считала, что расставаться нужно мирно, без скандала, но Датч упорно сворачивал именно в эту сторону.

Конечно, он вовсе не этого добивался, но, вороша старые обиды, лишь помогал ей укрепиться во мнении, что она правильно поступила, когда положила конец их браку.

– По-моему, это твой Луи Ламур⁵. – Лилли протянула ему книгу. – Заберешь или оставим его новым хозяевам?

– Они получили все остальное, – мрачно проворчал Датч. – Можешь оставить им роман в бумажной обложке в придачу.

– Проще было продать коттедж вместе с мебелью, – объяснила Лилли. – Мебель была куплена специально для этого дома, ни к какому другому она не подойдет. И потом, ни у тебя, ни у меня нет для нее места. Что бы мы стали с ней делать? Вывезти ее только для того, чтобы потом продать кому-то еще? И где ее хранить все это время? Разумно было включить всю обстановку в продажную цену.

– Речь не о том, Лилли.

Она знала, о чем речь. Ему не хотелось думать, что чужие люди будут жить в этом коттедже и пользоваться их вещами. Кто-то будет наслаждаться тем, что принадлежало им. Датчу это представлялось каким-то кощунством, вторжением в их частную жизнь, в то счастье, которым они вместе наслаждались в этих комнатах.

«Мне все равно, разумно это или нет, Лилли. Плевать я хотел, что разумно, а что неразумно! Чужие люди будут спать в нашей постели, под нашими одеялами! Как ты можешь с этим смириться?»

Вот так онотреагировал, когда она рассказала ему о своих планах насчет мебели. Очевидно, ее решение все еще бесило его, но она уже не могла ничего изменить, даже если бы захотела. А она не хотела.

Когда на полках ничего не осталось, кроме одинокого ковбойского романа, Лилли огляделась в поисках каких-то случайно забытых вещей.

– Консервы, – сказала она, указывая на банки, выставленные на стойку бара, отделявшую кухню от жилой комнаты. – Хочешь забрать их с собой?

Он отрицательно покачал головой.

Лилли вложила банки в последнюю, лишь наполовину заполненную коробку с книгами.

– Я распорядилась, чтобы электричество, воду и газ отключили: новые владельцы будут пользоваться домом только с весны. – Наверняка он все это уже знал: Лилли говорила лишь для того, чтобы заполнить молчание, становившееся все более тягостным, по мере

⁵ Автор популярных ковбойских романов.

того как она освобождала дом. – Мне осталось только забрать последние мелочи из ванной, и все, я уезжаю. Я все выключу, запру, оставлю ключи у агента по недвижимости, как договорились, по дороге из города.

Горечь и обида были написаны на его лице. Он кивнул, но ничего не сказал.

– Можешь меня не ждать, Датч. У тебя наверняка есть дела в городе.

– Они подождут.

– А ты не забыл, что синоптики обещали снежную бурю? Тебе, наверно, придется регулировать движение в торговом центре, – пошутила Лилли. – Ты же знаешь, в такое время все запа�аются, словно им грозит многодневная осада. Давай попрощаемся, и можешь ехать.

– Я тебя подожду. Мы уедем вместе. Заканчивай там, – он указал на спальню, – а я пока загружу эти коробки в твой багажник.

Он подхватил первую коробку и вынес ее за дверь. Лилли прошла в спальню. Кровать с тумбочками по обе стороны была плотно задвинута под скат крыши. Всю остальную мебель составляли кресло-качалка и комод с зеркалом. Всю дальнюю стену занимали окна. В стене напротив окон находились стенной шкаф и дверь в маленькую ванную.

Лилли уже успела задернуть здесь занавески, поэтому в комнате царил полумрак. Она проверила стенной шкаф. Пустые вешалки на стальной штанге казались осиротевшими. В ящиках комода ничего не осталось. Она прошла в ванную, собрала туалетные принадлежности, которыми пользовалась утром, уложила их в пластиковый несессер на «молнии» и, убедившись, что не оставила ничего в аптечном шкафчике, вернулась в спальню.

Она уложила несессер в раскрытый на постели чемодан и закрыла его. В эту самую минуту вернулся Датч.

– Если бы не Эми, мы и сейчас были бы женаты, – заговорил он без всяких предисловий.

Лилли устало покачала головой.

– Датч, прошу тебя, давай не будем...

– Если бы не это, мы продержались бы вечность.

– Мы этого не знаем.

– Я знаю. – Он схватил ее за руки. Они казались холодными в его вспотевших ладонях. – Слушай, я беру всю ответственность на себя. Готов признать: это я виноват, что у нас ничего не вышло. Если бы я повел себя по-другому, ты бы меня не бросила. Теперь я это понимаю, Лилли. Признаю, я наделал массу ошибок. Глупейших ошибок. Я это признаю. Но я прошу тебя, умоляю, дай мне еще шанс.

– Мы не можем стать такими, какими были когда-то, Датч. Мы уже не те люди, какими были, когда встретились. Неужели ты не понимаешь? То, что случилось, никто изменить не может. Но то, что случилось, изменило нас.

Он ухватился за ее слова.

– Ты права. Люди меняются. Я изменился после развода. Переехал сюда. Принял эту должность. Все это повлияло на меня благотворно, Лилли. Я, конечно, понимаю, Клири – это не Атланта, но здесь мне есть на что опереться. У меня здесь прочный фундамент. Здесь мой дом, здешние люди знают меня и всех моих родных. Они меня любят. Уважают.

– Это замечательно, Датч. Я хочу, чтобы ты здесь преуспел. Я всем сердцем желаю тебе успеха.

Она действительно желала ему успеха – и не только ради него, но и ради себя самой. Пока Датч не вернет себе репутацию хорошего полицейского, особенно в своих собственных глазах, ей от него не освободиться. Он будет цепляться за нее, пока вновь не обретет уверенность в себе и в своей работе. Маленький городок Клири давал ему возможность вернуть самоуважение. Ей оставалось лишь молиться, чтобы у него все получилось.

– Моя карьера, моя жизнь, – лихорадочно продолжал Датч, – но все это потеряет смысл, если ты ко мне не вернешься. – Не успела она его остановить, как он обхватил ее обеими руками, крепко прижал к себе и горячо зашептал прямо ей в ухо: – Скажи, что дашь нам еще один шанс.

Он попытался ее поцеловать, но она отвернулась.

– Датч,пусти меня.

– Вспомни, как нам было хорошо вместе! Если бы только ты перестала меня отталкивать, мы бы сразу вернулись к тому, с чего начали. Мы могли бы забыть все плохое и стать такими, как прежде. Помнишь, как мы обнимались прямо на людях, удержаться не могли? – Он сделал еще одну попытку и на этот раз впился губами ей в рот.

Лилли оттолкнула его.

– Прекрати!

Он отступил на шаг. Его дыхание шумно отдавалось по всей комнате.

– Ты все никак не хочешь подпустить меня к себе.

Она обхватила себя руками.

– Ты мне больше не муж.

– Ты меня никогда не простишь, да?! – сердито закричал он. – Ты воспользовалась тем, что случилось с Эми, чтобы со мной развестись, но ведь дело совсем не в этом, верно?

– Уходи, Датч. Оставь меня, пока...

– Пока я не потерял над собой контроль? – злобно ухмыльнулся Датч.

– Пока ты себя не опозорил.

На миг, равный вечности, они застыли в молчании. Лилли упрямо выдерживала его бешеный взгляд. Потом Датч повернулся и с топотом вышел из спальни. Он схватил конверт, лежавший на столе, сорвал с крючка свою куртку и шляпу и, не надевая их, хлопнул дверью так, что задрожали оконные стекла. Еще через несколько секунд Лилли услышала, как взревел мотор его «Бронко». Выбрасывая гравий из-под огромных колес, внедорожник сорвался с места и укатил.

Опустившись на край постели, Лилли закрыла лицо руками. Они были холодны как лед и дрожали. Теперь, когда все кончилось, она поняла, что испытала не только гнев и отвращение, но и страх. Этот Датч с его взрывным нравом был совершенно не похож на того обаятельного Датча, за которого она выходила замуж. Он уверял, что начал жизнь сначала, но при этом производил впечатление человека, доведенного до отчаяния. И это отчаяние проявлялось в пугающих перепадах настроения.

Лилли даже стыдно стало: такое облегчение она испытала при мысли о том, что никогда его больше не увидит. Наконец-то все кончилось. Датч Бертон ушел из ее жизни.

Измученная тягостной сценой, она легла на кровать и прикрыла лицо согнутым локтем.

Ее разбудил стук ледяной дробы, барабанящей по листовому железу крыши.

Споры с Датчем всегда лишали ее сил. Должно быть, за последнюю неделю, проведенную в Клири за улаживанием дел по продаже горного коттеджа, их постоянные стычки вымотали ее больше, чем она думала. После этого последнего столкновения ее тело милосердно отключило разум и позволило ей заснуть.

Лилли села, зябко растирая предплечья: в спальне было холодно. И темно. Так темно, что она даже не различала циферблата своих часов. Она встала, подошла к окну и отдернула занавеску. Свет был тусклый, но часы она разглядела.

Время на часах ее удивило. Она спала крепко, без сновидений, но, как оказалось, не так уж долго. Возможно, во всем была виновата преждевремененно сгустившаяся темнота, но у нее возникло ощущение, что час куда более поздний. Низкие тучи, окутавшие вершину горы, создавали впечатление ранних и жутковатых сумерек.

Вся земля вокруг дома как будто подернулась слюдой. Ледяной дождь шел, не переставая, но теперь к нему стало примешиваться то, что в новейшей терминологии метеорологов именовалось «снежной крупой». Крошечные острые крупинки казались куда более грозными, чем их родственницы – ажурные, мягкие снежинки. Деревья были скованы ледяным панцирем, от порывов ветра дребезжали оконные рамы.

Это было неосторожно с ее стороны – вот так заснуть. Теперь за ошибку придется расплачиваться тяжелым и опасным спуском по горной дороге. Даже если она доберется до Клири, погода может помешать ей вовремя вернуться в Атланту. Теперь, когда с делами в Клири было покончено, ей не терпелось как можно скорее вернуться домой к своей работе, к своей жизни. На рабочем столе у нее наверняка скопилось море разливанное писем, требующих ответа, неправленных статей, неоконченных проектов, словом, всякой писанины. Впрочем, Лилли не боялась возвращения, ей хотелось поскорее приняться за работу, разгрести эти бумажные завалы.

Но дело было не только в работе, ожидавшей ее дома. Лилли ощущала необходимость распрощаться навсегда с родным городом Датча. О, она обожала сонный маленький городок и окружающую его живописную горную местность. Но здешние люди знали Датча и его семью десятилетиями. Пока она была его женой, ей оказывали радушный прием, она считалась «своей». Теперь, когда она с ним развелась, жители города заметно охладели к ней.

А как враждебно повел себя сам Датч перед отъездом из коттеджа? Ей давно пора покинуть его территорию, это ясно.

Лилли заторопилась. Она перенесла чемодан в переднюю комнату и поставила его у двери, а потом в последний раз обошла коттедж, проверяя, все ли выключено и не осталось ли в доме каких-нибудь мелочей ее или Датча. Убедившись, что все в порядке, она надела пальто и перчатки и открыла входную дверь. Ветер налетел на нее с такой силой, что у нее перехватило дух. Как только она вышла на крыльцо, замерзшие капли начали жалить ее в лицо. Надо было защитить глаза, но в такой темноте невозможно было надевать солнцезащитные очки. Щурясь от дождя, Лилли перенесла чемодан в машину и положила его на заднее сиденье.

Вернувшись в дом, она торопливо воспользовалась ингалятором. Холодный воздух мог вызвать у нее приступ астмы, Лилли постаралась его предотвратить. Потом, запретив себе бросить последний ностальгический взгляд на коттедж, она вышла, закрыла за собой дверь и заперла замок на два оборота.

В салоне ее машины было холодно, как в холодильнике. Лилли завела двигатель, но ей пришлось ждать, пока стеклообогреватель согреется. Все равно она не могла тронуться с места с обледеневшим ветровым стеклом. Поплотнее закутавшись в пальто, спрятав нос и рот в поднятом воротнике, она сосредоточилась на том, чтобы дышать медленно и ровно. Ее зубы выбивали дробь, и ей никак не удавалось сдерживать дрожь.

Наконец из стеклообогревателя пошел теплый воздух, растопивший лед на ветровом стекле. С образовавшейся жижей справились «дворники». Противостоять непрерывной атаке ледяного дождя было сложнее. Ее видимость была жестоко ограничена, но Лилли понимала, что улучшение условий может произойти, только когда она спустится ниже по дороге. Выхода не было, оставалось только начать спуск.

Дорога была ей знакома, но она никогда не ездила по этому горному шоссе в такую погоду. Она подалась вперед, наклонилась над рулем, упорно вглядываясь через стекло, стараясь увидеть впереди хоть кусочек дороги.

На крутых поворотах она прижималась к правой стороне дороги, прекрасно зная, что на противоположной стороне – обрыв. Она заметила, что невольно задерживает дыхание на каждой такой «шпильке».

Ее пальцы в перчатках заledenели и онемели, а ладони были влажными, ей стало трудно удерживать руль. От напряжения у нее заныли мускулы плеч и шеи. Дыхание стало неровным. В надежде улучшить видимость она протерла ветровое стекло, но добилась лишь того, что стала яснее различать закрученные ветром воронки ледяного дождя.

И вдруг из подступающего к самому шоссе леса прямо перед радиатором возникла человеческая фигура.

Лилли автоматически нажала на тормоз, слишком поздно вспомнив, что нельзя резко тормозить на обледенелой дороге. Машину занесло. Фигура, освещенная фарами, отпрыгнула назад, пытаясь освободить дорогу. Машина скользнула мимо, но вильнула, пошла юзом, Лилли почувствовала толчок: задний бампер что-то задел. Сердце у нее оборвалось, она поняла, что сбила человека.

И это была ее последняя мысль, перед тем как машина врезалась в дерево.

3

Воздушная подушка развернулась, ударив ее по лицу и выбросив удушающее облако пыли, тотчас же заполнившей весь салон. Лилли инстинктивно задержала дыхание, чтобы ее не вдохнуть. Ремень безопасности врезался ей в грудь.

Краем сознания она отметила необыкновенную силу толчка. Столкновение было сравнительно мягким, но удар оглушил ее. Мысленно перебрав все части тела, она поняла, что не ранена, разве что потрясена. Но тот, кого она сшибла...

– О боже!

Лилли оттолкнула уже опавшую подушку, отстегнула ремень и открыла дверцу. Выбравшись из машины, она поскользнулась и упала, больно ударилась об лед обеими ладонями и правым коленом. Пришлось опереться о крыло машины. Кое-как, прихрамывая, цепляясь одной рукой за кузов, а другой прикрывая глаза от ветра, она обогнула машину и увидела неподвижную фигуру, лежащую навзничь – головой и туловищем на узкой обочине, ногами на дороге. Судя по размеру походных башмаков, лежащий был мужчиной.

Ноги скользили на гладком, как стекло, льду, но Лилли все-таки подобралась к нему и присела на корточки. Вязаная шерстяная шапочка спускалась до самых бровей. Глаза были закрыты. Грудь не вздымалась и не опадала: Лилли не заметила никакого движения, указывающего на то, что мужчина дышит. Она просунула пальцы под вязаный шерстяной шарф, под куртку, под свитер с высоким воротником, нащупала пульс и прошептала:

– Слава богу...

Но тут ей в глаза бросилось растекающееся по камням темное пятно у него под головой. Она уже собиралась приподнять его голову и поискать источник кровотечения, но вовремя вспомнила, что человека с раной головы нельзя шевелить. Разве не в этом состоит первое правило оказания экстренной помощи? Не исключено повреждение позвоночника, а любое движение может его усугубить и даже привести к летальному исходу.

У нее не было возможности определить серьезность раны у него на голове. А ведь это было видимое повреждение. А сколько у него могло быть других, невидимых повреждений? Внутреннее кровотечение, сломаны ребра, поврежденное легкое, разрыв внутренних органов? А это странное, неестественное положение с выгнутой вверх спиной?

Надо звать на помощь. Немедленно. Лилли выпрямилась и двинулась обратно к машине. Можно позвонить 911 по сотовому. Сотовая связь в горах не всегда надежна, но может быть...

Его стон заставил ее остановиться. Лилли повернулась так быстро, что чуть было опять не потеряла равновесие на льду, и опустилась на колени рядом с ним. Его веки задрожали и открылись, он посмотрел на нее. Такие глаза она до этого видела в жизни только раз.

– Тирни?

Он открыл было рот, собираясь заговорить, но тут же снова сжал губы. Казалось, его мутит. Он несколько раз сглотнул. На несколько секунд он закрыл глаза, потом снова открыл.

– Меня сбила машина?

– Мне кажется, это был мой задний бампер, – кивнула Лилли. – Где болит?

Он помедлил с ответом, словно оценивая в уме свое положение.

– Везде. Привет, Лилли.

– У тебя кровь идет из затылка. Не знаю, насколько это серьезно. Ты упал на камни. Я боюсь тебя пошевелить.

Его зубы начали выбивать дробь. Либо он замерз, либо был близок к шоку. И то и другое было плохо.

– У меня в машине есть одеяло. Сейчас вернусь.

Лилли распрямилась, нагнула голову, уклоняясь от ветра, и начала прокладывать себе дорогу обратно к машине. И о чем он только думал? Разве можно вот так выпрыгивать на дорогу? И вообще, что он тут делал в такую погоду один, без машины?

Кнопка поднятия крышки багажника на приборном щитке не работала, возможно, из-за повреждения электрической системы. А может быть, и потому, что крышка примерзла. Лилли вытащила ключ из зажигания и взяла его с собой. Подобравшись к багажнику, она убедилась, что ее худшие опасения верны: замок был покрыт льдом.

Опять она ощупью добралась до обочины, подняла самый крупный камень, какой только могла удержать, и с его помощью сбила лед. В таких экстраординарных ситуациях людям полагается ощущать прилив адреналина, наполняющий их сверхчеловеческой силой. Лилли ничего подобного не испытывала. К тому времени, как ей удалось сбить достаточно льда, чтобы поднять крышку, она задыхалась и падала с ног от усталости.

Отодвинув в сторону коробки с книгами, она нашла плед, застегнутый в пластиковый футляр на «молнии». Этот плед они с Датчем брали на футбольные матчи, он так и проходил в семье под названием «стадионного одеяла». Он предназначался для защиты от осенних холодов, а не для выживания в снежную бурю, но Лилли решила, что это лучше, чем вообще ничего.

Она вернулась к простертой на земле фигуре. Тирни был совершенно неподвижен, словно мертвый. В голосе Лилли появились панические нотки:

– Тирни?

Он открыл глаза.

– Я еще жив.

– Извини, что так долго. Не сразу удалось открыть багажник. – Она укрыла его пледом. – Боюсь, это не слишком поможет. Я попытаюсь...

– Опустим извинения. Мобильник есть?

Лилли вспомнила, что при первом знакомстве он произвел на нее впечатление прирожденного лидера. Что ж, прекрасно, сейчас не время разыгрывать феминистскую карту. Лилли извлекла сотовый телефон из кармана пальто. Телефон был включен, панель светилась. Она повернула телефон к Тирни, чтобы он сам мог прочесть надпись: «Нет связи».

– Я так и думал. – Он попытался повернуть голову, поморщился и ахнул, потом крепко стиснул зубы, чтобы они не стучали. Помолчав, он спросил: – Машина на ходу?

Лилли покачала головой. Ее познания об автомобилях были минимальны, но, если капот выглядит как смятая жестянка из-под содовой, логично было предположить, что машина не на ходу.

– Ну, здесь мы оставаться не можем. – Тирни сделал попытку подняться, но Лилли удержала его, нажав ладонью на плечо.

– Может, у тебя позвоночник сломан. Мне кажется, тебе нельзя двигаться.

– Да, это рискованно. Но если я останусь здесь, то просто окоченею. Лучше уж пойти на риск. Помоги мне встать.

Она крепко сжала его протянутую правую руку и потянула на себя, пока он пытался сесть. Но он не смог удержаться даже в сидячем положении, качнулся вперед и тяжело навалился на нее. Лилли удержала его плечом, сдернула плед с колен и закутала его.

Потом она осторожно отстранилась, и он остался сидеть, но его голова бессильно свесилась на грудь. Из-под плотной шерстяной шапочки показалась свежая кровь, тонкая струйка обогнула ушную раковину и закапала с подбородка.

– Тирни? – Лилли легонько шлепнула его по щеке. – Мистер Тирни!

Он поднял голову, но его глаза оставались закрытыми.

– Кажется, я отключился. Дай мне минутку. Черт, голова кружится! – Он сделал несколько глубоких правильных вдохов-выдохов: вдох через нос, выдох через рот. Через

несколько минут он открыл глаза и кивнул: – Лучше. Думаешь, вместе мы сумеем поднять меня на ноги?

– На это потребуется время. Не надо спешить.

– Вот как раз времени-то у нас и нет. Встань сзади, держи меня под руки.

Лилли опасно отпустила его, но, убедившись, что он держится прямо, зашла ему за спину.

– Рюкзак?!

– Да. Ну и что?

– Ты лежал в такой неловкой позе... Я думала, у тебя спина сломана.

– Я упал прямо на рюкзак. Пожалуй, это он меня спас. Мог бы и череп раскроить, если бы не он.

Лилли приспустила лямки рюкзака с его плеч, чтобы удобнее было его поддерживать.

– Я готова.

– Думаю, я смогу встать, – сказал Тирни. – А твое дело меня страховать, чтобы я не завалился назад. На всякий случай. Договорились?

– Договорились.

Он оперся обеими руками о землю и с усилием поднялся на ноги. Лилли не только страховала его, она прилагала не меньшие усилия, чем он сам, помогая ему подняться. Наконец он сказал:

– Спасибо. Мне кажется, я в порядке.

Тирни сунул руку за пазуху и вынул сотовый телефон, который, видимо, был прикреплен к поясу. Поглядев на панель, он нахмурился и что-то пробормотал себе под нос. Лилли поняла, что он выругался. Значит, его телефон тоже не давал связи. Он кивнул на покореженный автомобиль.

– В машине есть что-нибудь, что нам следует взять в твой коттедж?

Лилли взглянула на него с изумлением:

– Откуда ты знаешь, что у меня есть коттедж?

* * *

Скотт Хеймер стиснул зубы от напряжения.

– Почти все, сынок. Давай. Ты можешь. Еще разок.

Руки Скотта дрожали, вены выступали у него на лбу, на шее, на руках, пот катился с него градом и капал со скамьи для поднятия тяжестей на гимнастический мат.

– Я больше не могу, – прохрипел он.

– Можешь, можешь. Дай мне сто десять процентов.

Голос Уэса Хеймера эхом прокатился под высоким потолком школьного гимнастического зала. В здании никого, кроме них, не было. Всех распустили по домам больше часа назад. Скотту приходилось надолго задерживаться после окончания занятий, после окончания обязательных тренировок, когда другие члены спортивной команды расходились по приказу своего учителя физкультуры и тренера Уэса Хеймера, отца Скотта.

– Покажи мне, что ты стараешься. Я хочу увидеть максимум усилий.

Скотту казалось, что его кровеносные сосуды вот-вот полопаются. Он сморгнул пот, заливающий глаза, и несколько раз, тяжело отдуваясь, вздохнул. Слюна брызгами вырывалась у него изо рта с каждым вздохом, двуглавые и трехглавые мышцы сводило судорогой от перенапряжения, грудь готова была взорваться.

Но отец не отпустит его, пока он пять раз подряд не выжмет четыреста двадцать пять фунтов⁶ – груз, более чем вдвое превышающий вес самого Скотта. Старик любит ставить недостижимые цели. И умеет требовать их достижения.

– Кончай волынить, Скотт, – нетерпеливо бросил Уэс.

– Я не волыню.

– Дыши. Накачай мышцы кислородом. Ты сможешь это сделать.

Скотт глубоко вдохнул, а затем выдохнул воздух короткими толчками, требуя невозможного от мускулов груди и рук.

– Вот так! – донесся до него одобрительный возглас отца. – Ты выжал еще один дюйм. Ну, может, два.

«Господи, хоть бы два!» – мысленно взмолился Скотт.

– Покажи мне еще один рывок. Еще один, Скотт.

Из горла Скотта вырвалось непроизвольное рычание, когда он сконцентрировал всю свою силу в вибрирующих от напряжения руках, но он поднял вес еще на дюйм и даже зафиксировал локти на тысячную долю секунды, прежде чем старик подхватил штангу и уложил ее на держатель.

Руки Скотта безжизненно повисли вдоль тела. Его плечи обмякли, грудь бурно вздымалась в попытке выровнять дыхание, все тело гудело от переутомления.

– Отличная работа. Завтра попробуем шесть раз. – Уэс передал сыну полотенце и направился к себе в кабинет, где зазвонил телефон. – Прими душ. Я отвечу и начну все тут запирать.

До Скотта донесся его голос из кабинета.

– Хеймер, – отрывисто бросил он в трубку. – Ну, чего тебе, Дора? – Таким недовольно-ворчливым тоном старик всегда разговаривал с женой.

Скотт чувствовал себя абсолютно обессиленным, выжатым, как лимон. Даже добраться до раздевалки казалось ему делом непосильным. Только мысль о горячем душе подняла его со скамейки.

– Это была твоя мать! – крикнул ему Уэс через открытую дверь кабинета.

В это захламленное помещение мало кто рисковал входить. На столе скапливались кипы бумаг, работу над которыми Уэс считал напрасной тратой времени и поэтому отлынивал от нее сколько мог. На стенах висели сезонные расписания спортивных состязаний, двухмесячный календарь был испещрен собственноручными пометками Уэса, понятными только ему одному. Кроме того, к стене была пришпилена топографическая карта Клири и его окрестностей. Свои любимые места охоты и рыбалки Уэс подчеркнул жирным красным маркером. Рядом красовались фотографии школьных футбольных команд за последние несколько лет. На каждой из них тренер Уэс Хеймер гордо стоял в середине первого ряда.

– Она сказала, что пошел ледяной дождь, – продолжал он. – Давай двигать отсюда.

Терпкий запах школьной раздевалки был так хорошо знаком Скотту, что он перестал его замечать. Его собственный запах смешался с привычной вонью подросткового пота, талька, нестиранных носков и тренировочных костюмов. Казалось, этот запах навек впитался в отделанные плиткой стены и пол душевой.

Скотт повернул краны в одной из кабин. Стянув фуфайку, он заглянул себе через плечо и с отвращением нахмурился, когда увидел россыпь прыщей на спине. Он вошел в кабину и повернулся спиной к струе воды, а затем принялся энергично намыливать спину антибактериальным мылом.

Он перешел к интимной процедуре подмывания, когда появился старик с полотенцем в руке.

⁶ Американский фунт равен 454 г.

– Вот, принес на всякий случай. Вдруг ты забыл.

– Спасибо. – Скотт смутился и начал намыливать подмышки.

Уэс, в отличие от сына, ничуть не смутился. Он перекинул полотенце через вешалку возле кабины, а затем ткнул пальцем, указывая на пах Скотта.

– Ты пошел в своего старика, – усмехнулся Уэс. – И нечего тут стесняться.

Скотт терпеть не мог, когда старик навязывал ему свою закадычную дружбу и душевные мужские разговоры о сексе. Как будто Скотт всю жизнь мечтал обсудить с ним эту тему. Как будто ему грели душу сальные намеки и многозначительные подмигивания!

– У тебя там более чем достаточно, чтобы осчастливить всех твоих подружек.

– Папа.

– Главное, не осчастливь одну из них больше, чем следует, – продолжал Уэс с той же двусмысленной ухмылкой. – Ты у нас жених завидный, настоящий трофей для любой из здешних девчонок, мечтающих вскарабкаться повыше. Им парня подловить – раз плюнуть. И все бабы такие, все одним миром мазаны, это я тебе точно говорю. Всегда предохраняйся сам, не доверяй это дело девкам.

Уэс погрозил сыну пальцем. Можно было подумать, что он открывает некую новую истину, хотя на самом деле это был привычный предмет его поучений с тех пор, как Скотт достиг половой зрелости.

Скотт закрыл краны, достал полотенце и торопливо обернул им бедра. Он двинулся к своему шкафчику, но оказалось, что его отец еще не исчерпал любимую тему. Он хлопнул Скотта по мокрому плечу и развернул его лицом к себе.

– У тебя впереди годы тяжелой работы, пока ты не достигнешь своей цели. И я не хочу, чтоб какая-нибудь ушлая профурсетка залетела от тебя и порушила все наши планы.

– Этого не случится.

– Ты уж постарайся, чтоб не случилось. – Потом Уэс добродушно подтолкнул сына к шкафчику. – Давай одевайся.

Пять минут спустя Уэс запер двери гимнастического зала и закрыл на ночь школьное здание.

– Спорим на что хочешь – завтра занятий не будет, – сказал он. Шел ледяной дождь, вода застывала в воздухе, не долетев до земли. – Осторожней давай. Уже скользко.

Они не без труда добрались до школьной стоянки, где Уэсу было выделено почетное место как директору спортивных программ средней школы Клири, родины «боевых ягуаров».

«Дворники» со скрипом разгребали ледяную жижу на ветровом стекле. Скотт дрожал всем телом в своей спортивной куртке и старался поглубже всунуть кулаки в карманы на байковой подкладке. У него заурчало в животе.

– Надеюсь, у мамы уже готов обед.

– Можешь перекусить в аптеке.

Скотт быстро повернул голову и взглянул на Уэса.

Уэс смотрел только на дорогу.

– Остановимся там по дороге домой.

Скотт соскользнул пониже на сиденье, плотнее застегнул куртку и угрюмо уставился прямо перед собой, пока они ехали по Главной улице. На дверях многих магазинов уже были вывешены таблички «Закрыто». Хозяева поспешили закрыться и разойтись до того, как погода испортилась окончательно. В то же время создавалось впечатление, что никто не отправился прямо домой. Уличное движение было очень оживленным, особенно в районе рынка бакалейных продуктов, который все еще был открыт и бойко торговал.

Все это Скотт замечал на подсознательном уровне, пока его старик не остановился на одном из двух городских светофоров. Он сидел, тупо уставившись на исполосованное

дождем ветровое стекло, когда вдруг его взгляд выхватил листовку, приклеенную к фонарному столбу.

РОЗЫСК!

Под этим кричащим заголовком помещалось черно-белое фото Миллисент Ганн. Далее шло ее общее физическое описание и список телефонных номеров, по которым призывали позвонить всех, кто обладал информацией о ее местонахождении.

Скотт закрыл глаза, вспоминая, как выглядела Миллисент, когда он видел ее в последний раз. Когда он вновь открыл глаза, машина опять была в движении и листовка пропала из виду.

4

– Ты уверена, что у нас есть все, что может понадобиться? Вода в бутылках, консервы? Мэри-Ли Ритт изо всех сил старалась сдержать раздражение.

– Да, Уильям, я дважды сверилась с твоим списком, прежде чем уйти с рынка. Я даже зашла в магазин и запаслась батарейками для фонаря, потому что на рынке все уже было продано.

Ее брат бросил взгляд на улицу через широкую витрину аптеки, носившей его имя. Машины на Главной улице едва ползли – и не из-за дорожных условий, которые стремительно ухудшались, а из-за того, что машин было много. Люди торопились попасть туда, где собирались переждать непогоду.

– Синоптики говорят, такого давно не было. Может затянуться на несколько дней.

– Я тоже слушаю радио и смотрю телевизор, Уильям.

Он быстро перевел взгляд на сестру.

– Я вовсе не хочу сказать, что ты не справляешься со своими обязанностями. Но ты бываешь немного рассеянной. Как насчет чашки какао? За счет заведения.

Она тоже взглянула на медленно тянущуюся вереницу автомобилей.

– Вряд ли я быстро доберусь до дому, если выйду прямо сейчас. Ладно. Я с удовольствием выпью какао.

Мэри-Ли вышла из-за прилавка и прошла в переднюю часть магазина, к фонтанчику с содовой. Она села у стойки на хромированный табурет.

– Линда, – распорядился Уильям, – Мэри-Ли хочет выпить чашечку какао.

– Со сбитыми сливками, пожалуйста, – добавила Мэри-Ли, улыбаясь женщине за прилавком.

– Сию минуту, мисс Мэри-Ли.

Линда Векслер заведовала кафетерием в аптеке задолго до того, как Уильям Ритт выкупил аптеку у предыдущего владельца. Ему хватило ума сохранить за Линдой ее место, когда он стал хозяином. Она была местной достопримечательностью, знала всех горожан, помнила, кто пьет кофе со сливками, а кто предпочитает черный. Каждый день с утра она собственноручно готовила свежий салат с тунцом, и ей бы в голову не пришло использовать замороженные котлеты для гамбургеров. Она сама проворачивала фарш и жарила котлеты на решетке.

– Видали, что на улице делается? – спросила она, наливая молоко в кастрюльку. – Помню, когда мы были детьми, до чего ж нам было весело всякий раз, как по радио обещали снег! Мы гадали, идти нам завтра в школу или нет. Вы небось тоже рады лишнему выходному. Не меньше, чем ваши ученики.

Мэри-Ли улыбнулась ей:

– Если завтра пойдет снег, я, скорее всего, буду проверять тетради.

– Тратить богом данный выходной на такую ерунду? – всплеснула руками Линда.

Открылась входная дверь, колокольчик над ней звякнул. Мэри-Ли повернулась на табурете и увидела двух старшеклассниц, ворвавшихся в аптеку. Они хихикали и вытряхивали влагу из волос. Они учились в классе, в котором Мэри-Ли преподавала английский и американскую литературу.

– Вам, девочки, надо было надеть шапки, – сказала им Мэри-Ли.

– Здравствуйте, мисс Ритт, – поздоровались они в один голос.

– Что вы здесь делаете в такую погоду? Разве вам не пора домой?

– Мы пришли взять напрокат пару фильмов, – объяснила одна из них. – На всякий случай, понимаете? Вдруг завтра школы не будет?

– Вдруг еще что-то новенькое есть! – добавила вторая.

– Спасибо за идею, – кивнула Мэри-Ли. – Пожалуй, я тоже возьму домой пару фильмов.

Они покосились на нее с удивлением. Им как будто и в голову не приходило, что мисс Мэри-Ли Ритт тоже может смотреть кино. Что у нее могут быть какие-то иные интересы, помимо уроков, проверки тетрадей и патрулирования коридоров на переменах, чтобы ученики не слишком озорничали. Они, наверное, и вообразить не могли, что у нее может быть какая-то жизнь вне средней школы города Клири.

До совсем недавних пор их представление можно было бы счесть абсолютно верным.

Мэри-Ли почувствовала, как у нее вспыхнули щеки при этом невольном напоминании о ее новом тайном увлечении, и торопливо переменила тему:

– Возвращайтесь домой, пока дороги не обледенели, – посоветовала она девочкам.

– Обязательно, – ответила одна из них. – Мне строго-настрого велели быть дома дотемна. А все из-за Миллисент. Мама с папой совсем с ума посходили.

– И мои тоже, – подхватила вторая. – Абсолютно! Хотят знать, где я, двадцать четыре часа в сутки. – Она мученически закатила глаза. – Как будто я буду общаться с каким-нибудь психом! Всю жизнь мечтала, чтоб он меня схватил и похитил!

– Я прекрасно понимаю ваших родителей, – сказала Мэри-Ли. – Они встревожены. И они совершенно правы.

– Папа дал мне пистолет, велел держать в машине, – вновь вступила в разговор первая девочка. – Сказал, чтобы я стреляла, не раздумывая, если кто будет приставать.

– Ситуация становится угрожающей, – пробормотала Мэри-Ли.

Почувствовав, что им не терпится продолжить свои девчоночьи дела, она пожелала им счастливого снежного дня, если, конечно, снег будет, и опять повернулась к стойке. В этот самый момент Линда поставила перед ней чашку какао.

– Осторожно, милочка, оно горячее. – Глядя вслед девочкам, Линда покачала головой. – Прямоком с ума свихнулись.

– Угу. – Мэри-Ли осторожно отхлебнула горячее какао. – Я даже не знаю, что меня больше тревожит: пять пропавших женщин или отцы, вооружающие пистолетами своих несовершеннолетних дочерей.

Исчезновение женщин переполошило все население Клири поголовно. Люди стали запирают двери, которые до этого не запирались никогда. Женщинам всех возрастов советовали соблюдать осторожность, никуда не ходить поодиночке, особенно в безлюдных местах и после наступления темноты, а главное, не доверять незнакомцам. После исчезновения Миллисент многие мужья, женихи, приятели стали встречать своих жен, невест, подруг после работы и провожать их до дому.

– А можно ли их винить? – продолжала Линда, понизив голос. – Попомните мои слова, мисс Мэри-Ли: эта самая Ганн, почитайте, уже покойница.

Грустно было так думать, но Мэри-Ли готова была с ней согласиться.

– Когда вы уходите домой, Линда?

– А вот как братец ваш, погоняла, меня отпустит.

– Попробую замолвить словечко, чтобы сегодня он отпустил вас пораньше.

– Ой, вот уж это вряд ли! Расторговались мы сегодня, люди все с прилавка сметают подчистую. Видно, думают, не скоро теперь за покупками выйдут.

Аптека располагалась на углу Главной и Лиственничной улиц с незапамятных времен. Семья Мэри-Ли переехала в Клири, когда сама она была еще маленькой девочкой, и, сколько она себя помнила, ее всегда тянуло сюда.

Должно быть, Уильям тоже сохранил приятные воспоминания об аптеке: по окончании фармацевтического факультета он сразу же вернулся в Клири и начал здесь работать. А когда

хозяин аптеки решил уйти на покой, Уильям выкупил у него дело и тут же взял заем в банке на расширение оборота.

Он купил соседнее пустующее здание и соединил его с действующим магазином, увеличив, таким образом, помещение кафетерия, где были сооружены даже кабинки со столиками. У Линды появилось расширенное рабочее пространство, но и дел, конечно, прибавилось. Кроме того, Уильям предусмотрительно завел в аптеке уголок видеопроката. Помимо аптечных товаров, он держал самый богатый в городе запас романов в бумажных обложках и популярных журналов. Женщины покупали здесь косметику и поздравительные открытки, мужчины запасались табачными изделиями. И все приходило, чтобы быть в курсе местных новостей. Если в городке был свой эпицентр, он, несомненно, помещался в «Аптеке Ритта».

В придачу к лекарствам Уильям раздавал советы, рекомендации, комплименты, поздравления или соболезнования в зависимости от обстоятельств. На рабочем месте он появлялся исключительно в белом медицинском халате, который Мэри-Ли находила несколько претенциозным, но клиентам это даже нравилось.

Разумеется, многие задумывались о том, почему и он, и Мэри-Ли так и не обзавелись собственными семьями, почему они до сих пор продолжают жить в одном доме. Люди считали такую близость между братом и сестрой странной, если не сказать хуже. Мэри-Ли старалась не обращать внимания на мнение людей, предававшихся столь грязным мыслям.

Колокольчик над входной дверью снова звякнул. На этот раз Мэри-Ли не обернулась, но взглянула на облицованную зеркалами стену за рабочей зоной Линды и увидела, как в аптеку вошел Уэс Хеймер со своим сыном Скоттом.

– Уэс, Скотт, привет! Как дела? – крикнула Линда.

Уэс ответил на ее приветствие, но глазами встретился в зеркале с Мэри-Ли. Он подошел, склонился над ее плечом и потянул носом запах какао.

– О черт, отлично пахнет! Мне тоже такую, Линда. Сегодня как раз подходящий день для горячего какао.

– Здравствуйте, Уэс. Скотт, – поздоровалась Мэри-Ли.

– Мисс Ритт, – пробормотал в ответ Скотт.

Уэс опустился на табурет рядом с ней. При этом он толкнул ее коленом, устраивая ноги под прилавком.

– Не против, если я присоединюсь?

– Нисколько.

– Не ругался бы ты, Уэс Хеймер, – сказала Линда. – Как-никак детям пример подаешь, и все такое.

– А что я такое сказал?

– Ты помянул черта.

– С каких это пор ты у нас такая строгая стала? Было время, когда и у тебя срывалось словечко-другое.

Она фыркнула, но не удержалась от улыбки. Такое уж воздействие Уэс оказывал на женщин.

– Ты тоже хочешь какао, милый? – спросила Линда у Скотта.

Он стоял за спиной отца, ссутулившись, спрятав руки в карманы куртки, переминаясь с ноги на ногу.

– Да, спасибо. Было бы здорово.

– Сбитых сливок ему не давать! – предупредил Уэс. – В футболе с брюхом много очков не заработаешь.

– Вот уж что ему в ближайшее время никак не грозит, – заступилась за Скотта Линда.

Но сбитые сливки отставила в сторону. И такое воздействие Уэс тоже умел оказывать. И не только на женщин.

Он повернулся на табурете лицом к Мэри-Ли.

– Как Скотт успевает по американской литературе?

– Очень хорошо. Получил восемьдесят два⁷ за сочинение по Хоторну⁸.

– Восемьдесят два? Недурно. Не самый лучший результат, но и не плохой, – обратился Уэс к сыну через плечо. – Пойди поговори вон с теми юными леди. Они уже все истрепыхались с той минуты, как ты вошел. И обязательно дай знать Уильяму, что ты здесь.

Скотт покорно побрел, куда было велено, захватив свою чашку какао.

– Девчонки так и липнут к этому парню, – заметил Уэс, провожая взглядом сына, пробирающегося по проходу к видеопрокату.

– Да уж это само собой, – сказала Линда. – Красивый, чертенок!

– Вроде бы они все так думают. Названивают чуть не круглые сутки, трубку вешают, если не он отвечает. Дору доводят чуть не до белого каления.

– А ты что думаешь о его популярности у дам? – спросила Мэри-Ли.

Уэс повернулся к ней и подмигнул:

– Яблочко от яблони недалеко упало.

Мэри-Ли опустила глаза в свою чашку, нервно подыскивая тему для разговора.

– Скотт и на дополнительных занятиях делает успехи. Он стал значительно лучше писать сочинения.

– А как же иначе? Раз уж ты его обучаешь, должен же он был чему-нибудь научиться!

Осенью, вскоре после начала школьных занятий, Уэс обратился к ней с просьбой давать частные уроки Скотту по субботам и воскресеньям. За труды он предложил ей скромное вознаграждение, которое Мэри-Ли пыталась отклонить. Он настоял на своем. В конце концов Мэри-Ли приняла предложение. И не только потому, что она понимала, насколько важно для Скотта поступление в колледж, но еще потому, что Уэсу Хеймеру мало кто мог сказать «нет».

– Надеюсь, ты не жалеешь о потраченных деньгах? – спросила она его.

– Если пожалею, ты первая об этом узнаешь, Мэри-Ли, – усмехнулся Уэс и подмигнул ей.

– Эй, Уэс! – окликнул его Уильям. – У меня есть свободная минутка. Может, пройдешь сюда?

Уэс еще несколько мгновений удерживал взгляд Мэри-Ли, потом попросил Линду записать две чашки какао на его счет и ушел туда, где его поджидали Уильям и Скотт.

– Интересно, – заметила Мэри-Ли, удивляясь, какие дела могут связывать Хеймеров с ее братом.

Но Линда уже отошла в сторону и не обратила внимания на ее слова.

* * *

Лилли все еще недоумевала, откуда Бену Тирни стало известно, что у нее есть охотничий коттедж на пике Клири, когда он раздраженно спросил:

– Есть идея получше?

Ей не пришлось долго думать, свирепый ветер едва не валил ее с ног.

– Нет. Мы должны подняться в дом.

– Сперва давай посмотрим твою машину.

До машины они добрались без приключений, хотя он нетвердо держался на ногах. Лилли села за руль, Тирни отодвинул в сторону ее чемодан и сел сзади, потому что правая

⁷ В американской средней школе принята 100-балльная система оценок.

⁸ Натаниэль Хоторн (1804–1864) – писатель-романтик, считается одним из классиков американской литературы.

сторона приборного щитка вдавилась в переднее пассажирское сиденье. Захлопнув дверцу, он снял перчатки и прижал кулак ко лбу.

– Тебе плохо? Теряешь сознание? – спросила Лилли.

– Нет. У нас нет на это времени. – Он опустил руку и критически оглядел ее. – Ты слишком легко одета.

– И не говори! – У нее стучали зубы.

– Что у тебя в чемодане? Есть что-нибудь полезное?

– Все не теплее того, что на мне.

Тирни, видимо, решил убедиться сам, открыл чемодан и начал рыться в содержимом, бесцеремонно перебирая белье, ночные рубашки, носки, легкие спортивные брючки и блузки.

– Теплое белье?

– Нет.

Он бросил ей шерстяной свитер.

– Накинь сверху.

Лилли натянула свитер под пальто.

– Покажи мне свои сапоги.

– Мои...

– Сапоги, – нетерпеливо повторил он.

Она подпернула кверху штанину и подняла повыше ногу. Тирни нахмурился. Он извлек из чемодана несколько пар носков и перебрал через сиденье.

– Спрячь в карманы. И вот это возьми. Наденешь, когда доберемся до дома. – Он передал ей тонкий шелковый свитер-водолазку, который она когда-то покупала, чтобы поддевать под лыжный костюм. Потом, к изумлению Лилли, Тирни потянулся вперед и схватил прядь ее волос. – Мокрые. – Он выпустил ее волосы, продолжая сжимать в другой руке охапку тонкого белья. – У тебя шапка есть?

– Вряд ли.

– Тебе надо надеть что-нибудь на голову. – Он бросил шелковые трусики обратно в чемодан и стянул с себя плед. – Наклонись ко мне.

Лилли встала на колени на сиденье, повернувшись к нему лицом. Тирни накинул плед ей на голову, сделав из него нечто вроде капюшона, заправил концы крест-накрест у нее на груди и застегнул пальто.

– Вот так! Перед тем как выйти из машины, закрой пледом нос и рот. В багажнике что-нибудь есть, кроме запаски?

Ее так ошеломило его панибратское обращение, что на какой-то момент она вообще перестала соображать. До нее не сразу дошло, о чем он спрашивает.

– М-м-м... По-моему, там есть аптечка.

– Хорошо.

– И кое-какая еда, которую я забрала из коттеджа.

– Уже лучше. – Он окинул беглым взглядом салон машины. – Карманный фонарь, что-нибудь в «бардачке»?

– Только инструкция по пользованию машиной.

– Боюсь, она так же бесполезна, как и сама машина. – Тирни вытер ладонью свежую кровь, стекавшую по щеке, и натянул перчатки. – Пошли.

– погоди! Моя сумка. Она мне понадобится.

Лилли поискала глазами сумку и обнаружила ее на полу перед пассажирским сиденьем. Видимо, сумка упала, когда машина врезалась в дерево. Достать ее было нелегко, но Лилли сумела просунуть руку между приборным щитком и сиденьем и вытащить сумку.

– Накинь ремень через шею, освободи руки. Так будет легче сохранять равновесие.

Она последовала совету и уже потянулась к дверной ручке, но потом оглянулась на него с тревогой.

– Может, нам лучше остаться здесь и подождать помощи?

– Это можно, но сегодня никто не поднимется на эту гору, а до утра мы вряд ли протянем.

– Ну, значит, у нас нет выбора, верно?

– Практически нет.

Лилли опять потянулась к дверной ручке, но на этот раз Тирни сам ее остановил, положив руку ей на плечо.

– Извини, я не хотел показаться резким.

– Я понимаю, что нам надо спешить.

– Надо добраться до укрытия до того, как дорога совсем обледенеет.

Она кивнула в знак согласия. На секунду их взгляды скрестились, потом он убрал руку с ее плеча, открыл дверцу и вышел. Лилли подошла к нему, пока он обозревал содержимое багажника. Он нашел аптечку и велел ей спрятать коробочку в карман.

– И консервные банки заberi. И галеты. – Он и сам набивал многочисленные карманы своей куртки. Лилли подумала, что ему будет тяжело, тем более что он поднял и брошенный на дороге рюкзак. – Готова? – спросил Тирни.

– Готова, насколько это вообще возможно.

Тирни кивком указал ей, что она должна идти вперед. Но первые же несколько шагов в гору по обледенелой дороге лишили их малейшей надежды. При каждом шаге вперед они съезжали на три шага назад. Тирни толкнул ее к обочине. Здесь тоже было непросто: по узкой обочине местами приходилось идти друг за другом, цепляться за ограждение, обходить вылезающие из земли валуны. Но грубые неровности земли, обломки скал, остатки растительности служили им опорой и не давали соскальзывать назад.

Подъем был крут. Даже тренированным атлетам при дневном свете и в идеальных погодных условиях подъем по такому косоугору показался бы нелегким испытанием. Лилли и Тирни приходилось идти по большей части навстречу ветру, временами вслепую, низко наклоняя голову, чтобы уберечь лицо от секущих ледяных иголок, острых, как осколки стекла.

Они часто останавливались, стараясь отдышаться. Один раз Тирни остановился, резко отвернулся от нее, и его вырвало. Лилли сразу подумала, что это верный признак сотрясения мозга. Но и это было еще не все. Она заметила, что он старается не опираться на левую ногу, и с тревогой спросила себя: нет ли у него заодно и перелома?

Идти ему становилось все труднее, и она в конце концов настояла, чтобы он обхватил ее одной рукой за плечи. Он согласился с большой неохотой, но другого выхода не было. С каждым шагом он опирался на нее все больше. Она упорно тянула его, как буксир баржу.

Они дошли до полного изнеможения и продолжали двигаться скорее по инерции. Расстояние, которое она на машине покрыла за три минуты, пешком они преодолели за час. Они буквально висли друг на друге к тому времени, как достигли ступеней крыльца. Лилли прислонила Тирни к стене, пока отпирала дверь, а потом помогла ему подняться по ступенькам. Она задержалась только для того, чтобы запереть дверь и бросить сумку на пол, после чего рухнула на диван. Тирни сбросил свой рюкзак с плеч и растянулся на втором диване, напротив нее. Их разделял кофейный столик.

Несколько минут они лежали неподвижно, тишину нарушало только их шумное дыхание. Перед уходом Лилли выключила отопление, и в комнате было холодно. Она потянулась к лампе на тумбочке и зажгла ее.

– Слава богу, – сказала она, невольно моргая от внезапно вспыхнувшего яркого света. – Я боялась, что электричество тоже отключили.

Вытащив из карманов банки консервов, Лилли выставила их на кофейный столик. Потом она извлекла сотовый телефон и набрала номер. Тирни вдруг насторожился.

– Ты кому звонишь? – спросил он, выпрямляясь.

– Датчу.

5

Предсказание Лилли насчет хаоса в городе полностью оправдалось.

Всего два часа назад Датч вернулся в город, но ему уже хотелось вернуться обратно, он уже тосковал по тишине и покою своего домика в горах. «Он больше не твой», – с горечью напомнил себе Датч.

Даже в час пик в Атланте не было таких заторов, как в этот вечер на Главной улице в Клири. Машины стояли впритирку, бампер к бамперу на обеих полосах дороги: бесконечная цепочка красных задних огней в одну сторону и белых подфарников в другую. Казалось, все, кто находился в северной половине города, устремились в южную и наоборот.

Служба шерифа курировала сельские районы округа, предоставив ведение дел в городе Датчу и его департаменту. Это был отличный день для краж со взломом, потому что никто не сидел дома, а все силы полиции были брошены на усмирение хаоса, порожденного подступающей снежной бурей.

На пересечении Главной улицы с улицей Моул-три опять сломался светофор. В любой другой день никто не увидел бы в этом ничего особенного. Водители проезжали по очереди, вежливо пропуская друг друга через перекресток и перебрасываясь шутками. Но в этот день, когда всеобщее терпение и без того было на пределе, неработающий светофор вызвал безнадёжный затор, и застрявшие в нем водители принялись скандалить.

Те офицеры, что не были заняты регулированием уличного движения, контролировали рынок, стараясь предотвратить стычки из-за тех немногих товаров, что еще оставались на полках. Уже произошла одна драка из-за банок сардин.

А дальше будет еще хуже. Когда циклон перевалит на восточную сторону горного хребта и ворвется на равнину, набухая влагой, дороги станут совершенно непроходимыми и ситуация выйдет из-под контроля. Датч знал: пока буря не стихнет, а накопившиеся снег и лед не растают, ему нечего рассчитывать на отдых.

Датч бросил взгляд на вершину пика Клири. Она была полностью окутана тучами. Он спустился с горы как раз вовремя. Слава богу, Лилли отправилась прямо следом за ним! Сейчас она уже далеко на юге, на пути в Атланту. Если будет ехать быстро, вероятно, сможет обогнать надвигающуюся бурю и доберется до дому заблаговременно.

Он привык постоянно думать о ней, о том, где она и что делает. И никакое дурацкое свидетельство о разводе не сможет избавить его от этой привычки. Вспомнив, как она посмотрела на него перед тем, как он уехал, Датч почувствовал страшную тяжесть внутри. У него было такое чувство, будто он проглотил наковальню. Она как будто даже испугалась его. А кто, спрашивается, виноват? Только он один. Он сам дал ей повод для опасений.

– Эй, шеф! – окликнул его Уэс Хеймер с тротуара у «Аптеки Ритта». – Давай сюда. Я налогоплательщик, и у меня есть жалоба.

Датч вывел «Бронко» из полосы движения, ползущего по Главной улице, и с трудом втиснулся на забитую машинами стоянку перед входом в аптеку. Он опустил стекло, и в салон ворвался ледяной воздух.

Уэс подошел к нему развалистой походкой бывшего футболиста. Оба его колена и одно бедро были поражены артритом, но Уэс не любил об этом распространяться. Он готов был буквально на все, лишь бы не признаться в какой-нибудь слабости.

– На что жалуешься, тренер? – бесстрастно спросил Датч.

– Ты тут у нас блюститель порядка номер один. Неужели ты не можешь очистить улицы от этих кретинов?

– Я начну с тебя.

Уэс хохотнул, но тут же оборвал себя, заметив, что Датч не в настроении, и наклонился ближе к окну машины.

– Эй, приятель, в чем дело? Что за постная рожа?

– Я распрощался с Лилли. Пару часов назад, в горном коттедже. Она уехала навсегда, Уэс.

Уэс отвернулся.

– Скотт, пойди согрей машину. Я сейчас приду. – Скотт, стоявший под навесом у входа в аптеку, поймал брошенную Уэсом связку ключей, помахал другой рукой в знак приветствия Датчу и двинулся вниз вдоль тротуара.

– Что у него слышно насчет колледжа? – спросил Датч.

– Мы об этом после поговорим. А сейчас давай о твоей жене.

– Бывшей жене. С ударением на первом слове. Сегодня она ясно дала мне это понять.

– Я думал, ты хочешь с ней поговорить.

– Я поговорил.

– Бесплезняк?

– Точно. Она получила развод и страшно этому рада. Не желает иметь со мной ничего общего. Все кончено. – Он потер лоб рукой в перчатке.

– Ты что, плакать собираешься? Черт возьми, Датч, мне стыдно за тебя. Ты же мой лучший друг!

Датч бросил на него мрачный взгляд.

– Да пошел ты!

– Что ты хнычешь, как баба? – ничуть не смутившись, продолжал Уэс. Он укоризненно покачал головой, словно Датч был нашкодившим мальчишкой. – Лилли тебя не ценила, так? Ну, так пошли ее к черту! Сама виновата. Если хочешь знать мое мнение...

– Я не хочу знать твое мнение.

– Она думает, у нее и дерьмо не воняет.

– Я сказал, что не хочу знать твое мнение, неужели не ясно?

Уэс вскинул обе руки в знак того, что сдается.

– Ладно! Ладно! Обо мне она тоже невысокого мнения.

– Она считает тебя задницей.

– Можно подумать, я сон потеряю из-за того, что миссис Лилли Мартин Бертон думает обо мне. – Криво усмехнувшись, Уэс хлопнул Датча по плечу. – Уж больно ты переживаешь из-за всякой ерунды. Ты потерял жену, но ты же мужик! Протри глаза! – Он широко повел рукой по воздуху. – Женщин кругом навалом!

– Женщины для меня не проблема, – пробормотал Датч.

Уэс критически склонил голову набок.

– Да ну? Всю дорогу или в последнее время?

«И раньше, и теперь», – мысленно ответил Датч. В свое время он выстроил целую систему оправданий для первой ходки налево. На работе он находился под постоянным давлением. Ему надо было сбросить напряжение. Лилли была занята своей карьерой. Их любовные отношения стали слишком предсказуемыми и невдохновляющими. И так далее, и так далее.

Лилли расстреляла его доводы, как картонных уток в тире. Он покаялся в своих слабостях и поклялся никогда больше не ходить налево.

Но за первой ходкой последовала вторая, потом третья, четвертая, пятая... Вскоре и запас оправданий у него иссяк. Теперь он понял, что не последняя измена положила конец его браку. Началом конца стала именно первая измена. Ему бы, дураку, догадаться, что такая женщина, как Лилли, не потерпит неверности.

Уэс смотрел на него вопросительно, ожидая ответа.

– Знаешь, после истории с Эми мне было так плохо, что я искал облегчения всюду, где мог найти, с любой женщиной, которая говорила «да», а их было, как ты говоришь, навалом. Но никто из них не мог заменить Лилли.

– Чепуха! Тебе просто было лень поискать по-настоящему. Сейчас-то тебе есть с кем спать или как?

– Уэс...

– Ладно, понял, не дурак. Не задавай вопросов, не услышишь вранья. Но какая женщина обратит на тебя внимание сегодня? Ты меня извини за откровенность, Датч, но выглядишь ты хреново.

– Я и чувствую себя хреново.

– Это заметно. И по лицу, и по походке. У тебя зад обвис, друг мой. Шарму в тебе – как в возвратном люэсе, примерно столько же. С таким подходом ты не найдешь женщину, которая тебе нужна.

– А какая женщина мне нужна?

– Полная противоположность Лилли. Держись подальше от кареглазых брюнеток.

– У нее зеленые глаза. Этот цвет называется «лесной орех».

Уэс одним взглядом отмел это уточнение.

– Заведи себе крашеную блондинку. И не дылду тощую, а маленькую толстушку. С сиськами, с задницей, чтоб было за что поддержаться. Простенькую такую, без запросов, без всяких там закидонов. Чтоб смотрела тебе в рот и считала твой хрен гребаный волшебной палочкой. – Уэс был так доволен своим описанием идеальной подружки для Датча, что весь расплылся в ухмылке. – Вот что я тебе скажу, – продолжал он, – приходи ко мне сегодня попозже вечером. Бутылочку раздавим, обсудим твои возможные ходы. У меня есть парочка видео с порнухой, позырим. Поднимешь настроение, взбодрись, если ты мужик. Что скажешь?

– Мне нельзя пить, забыл?

– В снежную бурю все правила отменяются.

– Кто сказал?

– Я сказал.

Когда Уэс начинал уговаривать, отказаться было почти невозможно, но Датч сделал честную попытку отклонить приглашение. Он перевел рычаг «Бронко» на задний ход.

– У меня сегодня дел выше крыши, ты же знаешь.

– Приходи, – повторил Уэс и погрозил ему пальцем, пока Датч отъезжал от тротуара. – Я буду ждать.

Датч влился в поток движения и направил «Бронко» к одноэтажному кирпичному зданию в квартале от аптеки, где размещался департамент полиции Клири.

Перед тем как его окончательно выперли из полиции Атланты, Датча обязали дважды в неделю посещать полицейского психиатра. На одном из сеансов психиатр сказал ему, что у него параноидальные наклонности и что он уже на грани. Датч вспомнил по этому поводу старый анекдот: если ты параноик, это не значит, что тебя не преследуют все кому не лень.

В этот проклятый день Датчу стало казаться, что мир и впрямь ополчился против него.

Кого он увидел, как только вошел в полицейский участок? Мистера и миссис Ганн, чтоб ему сгореть! Должно быть, кто-то шлепнул бубнового туза ему на спину, никак не иначе. Сперва Лилли, а теперь вот предки Миллисент Ганн, погода и остальные жители Клири – все точно сговорились его доставать. Это был, похоже, худший день его жизни.

Ну ладно, один из худших.

Миссис Ганн и в лучшие свои дни была похожа на голодного воробья, а уж с тех пор, как Миллисент пропала, можно было подумать, что она всю неделю не спала и не ела. Ее маленькая головка напоминала голову черепахи, выглядывающую из панциря, только пан-

цирем ей служило утепленное стеганое пальто. Когда Датч вошел, она взглянула на него в полном отчаянии.

Это чувство было ему знакомо. Да, он ей сочувствовал. Но в этот день он был просто не в силах разбираться еще и с отчаянием миссис Ганн. Ему бы справиться со своим собственным.

Мистер Ганн, напротив, был толстяком. Его еще больше полнила теплая суконная куртка в крупную черно-красную клетку. Он был столяром, и его руки, огрубевшие от десятилетий тяжелой работы, покрасневшие от холода, напоминали пару сырокопченых окороков.

Он мял мозолистыми пальцами поля шляпы, уставившись невидящим взглядом на коричневую, усеянную пятнами тулью. Жена ткнула его локтем в бок. Он поднял голову и увидел Датча.

– Датч! – Он поднялся на ноги.

– Эрни! Миссис Ганн! – Датч кивнул обоим по очереди. – Погода портится. Вам следует быть дома.

– Мы просто зашли узнать, нет ли чего-нибудь нового.

Датч знал, зачем они устроили ему засаду в приемной полицейского участка. В этот день он уже получил от них несколько голосовых посланий по телефону, но ни на одно не ответил. И почему никто из его людей не предупредил его, что они сами приперлись? Тогда он не вернулся бы в участок до их ухода. Но он пришел, и они подстерегли его, застали врасплох. Что ж, придется их принять, другого выхода нет.

– Проходите сюда, поговорим в моем кабинете. Кто-нибудь предложил вам кофе? Он тут у нас густой, как битум, но обычно бывает горячим.

– Спасибо, нам ничего не нужно, – отказался Эрни Ганн за них обоих.

Как только они сели напротив его стола в кабинете, Датч сделал скорбное лицо.

– К сожалению, ничего нового я вам сообщить не могу. На сегодня мне пришлось отозвать поисковый отряд по вполне понятным причинам, – сказал он, указывая за окно. – Еще до начала бури мы отбуксировали машину Миллисент на окружную стоянку. Мы прочесали ее частым гребнем на любые частицы, даже самые микроскопические, но при беглом осмотре явных следов борьбы нет.

– Каких, например?

Датч заерзал в кресле и бросил опасливый взгляд на миссис Ганн, прежде чем ответить ее мужу.

– Сломанных ногтей, волос, крови.

Голова миссис Ганн затряслась на тощей шее.

– Вообще-то это хорошие новости, – поспешил заверить ее Датч. – Мои люди и я... мы все еще пытаемся восстановить передвижения Миллисент в ее последний вечер на работе. Опрашиваем всех, кто видел ее в магазине, но сегодня после обеда нам пришлось прекратить опрос опять-таки из-за бури. От спецагента Уайза я тоже пока ничего не слышал, – продолжал Датч, предвосхищая, он полагал, их следующий вопрос. – Понимаете, его отозвали обратно в Шарлотту⁹. У него там другое дело, требующее внимания. Но он заверил меня перед отъездом, что по-прежнему активно работает над делом Миллисент и хочет использовать тамошнюю компьютерную базу, чтобы кое-что проверить.

– Он говорил, что хочет проверить?

Датчу до смерти не хотелось признаваться, что Уайз – да все эти сукины дети из ФБР, если на то пошло, – не желает делиться с ним информацией. Все они как в рот воды набирали

⁹ Крупнейший город в штате Северная Каролина.

в присутствии полицейских – никчемных и некомпетентных олухов ниже себя по званию. Таких, например, как он сам!

– Насколько мне известно, вы открыли Уайзу доступ к дневнику Миллисент, – сказал он вслух.

– Это верно. – Эрни Ганн повернулся к жене и для ободрения взял ее за руку. – Может быть, мистер Уайз что-нибудь в нем найдет, и это наведет его на след.

Датч ухватился за эти слова.

– Существует реальное предположение, что Миллисент ушла по своей собственной воле. – Он вскинул руку, предупреждая их протесты. – Знаю, это первое, о чем я вас спросил, когда вы сообщили, что она пропала. Вы категорически отвергли такую возможность. Но выслушайте меня. – Датч бросил на них обоих свой патентованный взгляд вдумчивого следователя. – Нельзя исключить, что Миллисент захотела побыть одна. Возможно, она вообще не связана с другими пропавшими женщинами.

Он знал, что такая вероятность ничтожно мала, но, по крайней мере, это могло дать им надежду.

– Но ее машина, – проговорила миссис Ганн так тихо, что Датч ее едва расслышал. – Она осталась на стоянке за магазином. Как она могла уехать без машины?

– Может быть, кто-то из друзей увез ее куда-нибудь, – предположил Датч. – А поскольку ее исчезновение вызвало панику, этот друг побоялся обнаружить себя и признаться. Побоялся, что у него и у Миллисент будут неприятности, потому что они всех нас напугали до полусмерти.

Мистер Ганн недоверчиво нахмурился.

– У нас, конечно, были свои проблемы с Миллисент, а у кого нет? Спросите любых родителей, у которых есть дети-подростки. Но я не думаю, что она могла так поступить просто нам назло.

– Она знает, что мы ее любим, знает, что мы бы с ума сошли от беспокойства, если б она просто взяла и сбежала, – всхлипнула миссис Ганн, прижимая к губам скомканную салфетку.

На нее больно было смотреть. Датч опустил взгляд на затянутую бумагой поверхность своего стола, выжидая, пока она успокоится.

– Миссис Ганн, я уверен, в глубине души она знает, что вы ее любите, – великодушно признал он. – Но, как я понимаю, Миллисент была не в восторге от той больницы, куда вы ее уложили в прошлом году. Вы поместили ее туда против ее воли, не так ли?

– По своей воле она бы не пошла, – вмешался мистер Ганн. – Нам пришлось это сделать, иначе она могла умереть.

– Я понимаю, – кивнул Датч. – Возможно, в глубине души Миллисент тоже это понимает. Но... могла она озлобиться из-за этого?

Согласно поставленному диагнозу, девушка страдала анорексией и булимией¹⁰. К чести ее родителей, надо было сказать, что они заложили чуть ли не всю свою собственность, но поместили ее в дорогой медицинский центр в Рейли для лечения и психиатрического консультирования.

Миллисент провела в Рейли три месяца, после чего ее объявили излечившейся, выписали и отослали домой. Городские слухи утверждали, что сразу после выписки она вернулась к своей скверной привычке обжираться, а потом вызывать рвотный рефлекс, сунув два пальца в горло, потому что боялась набрать лишний вес и быть изгнанной из школьной команды спортивных болельщиц. Жезлом и булавами Миллисент размахивала с шестого класса и ни в коем случае не хотела вылететь из команды в выпускном классе.

¹⁰ Болезненное отсутствие аппетита и беспорядочное поглощение любой пищи, сопровождаемое искусственно вызываемой рвотой.

– Она выздоравливала, – сказал ее отец. – С каждым днем ей становилось лучше. – Он свирепо взглянул на Датча. – И вообще, вам не хуже, чем мне, известно, что она не сбежала. Ее схватили. К рулю была привязана синяя ленточка.

– Об этом нельзя распространяться, – напомнил Датч.

Синюю ленту находили на месте предполагаемого похищения каждой из женщин, но этот факт скрывали от прессы. Из-за этой ленты таинственного похитителя прозвали Синим.

На поясе у Датча завибрировал сотовый телефон, но он не стал отвечать. Речь как раз зашла о серьезном деле. Раз уж информация о синей ленте просочилась в город, можно к бабке не ходить, что эти проклятые фэбээровцы обвинят в утечке Датча и его департамент. Может, так оно и было. Да что там, ясное дело, так оно и было. И тем не менее он решил приложить все усилия, чтобы исправить положение и избежать обвинений.

– Да об этом уже весь город знает, – возразил мистер Ганн. – Разве такое удержишь в секрете, когда сукин сын уже в пятый раз оставляет эту ленточку?

– Если весь город знает, значит, и Миллисент, скорее всего, знает. Она могла нарочно привязать эту ленточку, чтобы пустить нас по ложному следу...

– Черта с два! – возмутился Эрни Ганн. – Никогда бы она не пошла на такую жестокость! Нет, сэр, это Синий захватил нашу Миллисент. И вы прекрасно знаете, что это так. Вы должны ее найти, пока он...

Его голос надломился, в уголках глаз появились слезы. Миссис Ганн подавила рыдание. Но прервала паузу именно она, и в ее голосе послышалось ожесточение:

– Вы же из полиции Атланты, и все такое! Мы думали, вы поймаете этого человека, пока он не похитил нашу Миллисент или еще кого-нибудь.

– Я работал в отделе убийств, а не розыска пропавших, – сквозь зубы ответил Датч.

Бог свидетель, он проявил все возможное сочувствие к этим людям, он с ног сбился, разыскивая их дочь, а они даже спасибо не сказали. Они ждали от него чуда только потому, что он служил в столичной полиции.

В эту минуту на душе у него было так паршиво, что он даже не понимал, какого черта согласился на эту работу. Когда городской совет во главе с председателем Уэсом Хеймером предложил ему должность начальника полиции, надо было им сказать: пусть сперва поймают своего серийного похитителя, а уж потом соглашаться.

Но ему нужна была работа. Более того, ему было необходимо выбраться из Атланты, где Лилли унизила его человеческое достоинство, а департамент полиции – профессиональное. Его развод был окончательно оформлен в тот же месяц, когда его уволили. Как будто сговорились.

И вот, когда он пребывал в низшей точке своего падения, Уэс приехал в Атланту со своим предложением. Он укрепил пошатнувшееся самомнение Датча, заявив, что его родному городу остро необходим крутой коп с таким опытом, как у него.

Уэс был непревзойденным мастером гнать такую пургу. В этом искусстве он поднатуживал, когда накачивал в раздевалке свою команду перед матчами. Датч знал, что это пурга, но все равно слушать было приятно. И не успел он сообразить, что происходит, как они уже заключили соглашение, даже скрепили его рукопожатием.

Здесь его знали и уважали. Он знал этих людей, знал этот город и весь округ как свои пять пальцев. Возвращение в Клири казалось сменой новых тугих башмаков на старые домашние тапочки. Но вскоре выяснилось, что имеется одно существенное осложнение: ему пришлось разгребать за своим предшественником, который понятия не имел о розыскной работе и умел только выписывать штрафы за неправильную парковку. И в первый же день Датчу на стол свалили четыре нераскрытых дела об исчезновении. А теперь к ним прибавилось еще и пятое. У него был ограниченный бюджет, неопытный персонал, прошедший

лишь самую общую подготовку, да плюс к тому еще и вмешательство ФБР, потому что это было похоже на похищение, а похищение считалось преступлением федерального уровня.

И вот теперь, через два с половиной года после исчезновения первой девушки на популярном туристском маршруте, у него по-прежнему не было ни одного подозреваемого. Виноватым Датч себя не считал, но это был, фигурально выражаясь, его младенец, который, вырастая, становился все более безобразным.

В этот тяжелый день Датч был особенно не в настроении выслушивать критику, даже от людей, переживающих все муки ада.

– Мне еще предстоит опросить многих знакомых Миллисент, – повторил он. – Как только буря утихнет, обещаю вам: весь личный состав департамента во главе со мной будет брошен на поиски. – Он встал, давая понять, что разговор окончен. – Хотите, я попрошу кого-нибудь отвезти вас домой в патрульной машине? На улицах скользко, движение становится небезопасным.

– Спасибо, не нужно. – С завидным достоинством мистер Ганн помог своей жене подняться со стула и вывел ее из кабинета.

– Понимаю, это трудно, но старайтесь не терять надежды, – сказал Датч, следуя за ними по короткому коридору.

Мистер Ганн лишь кивнул в ответ, надел шляпу и вывел жену из здания на воющий ветер.

– Шеф, у нас тут...

– Минутку, – перебил Датч дежурного полицейского, отвечающего на звонки, хотя и заметил, что все входящие линии мигают красными лампочками.

Он снял с пояса сотовый и проверил, кто ему звонил. Лилли. И она оставила сообщение. Датч торопливо набрал код доступа к голосовой почте.

«Датч, я не знаю... выбраться... или нет. Я... аварию на спуске. Бен Тирни... Мы... в коттедж. Ему... врач... Помогите, если... скорее».

6

Лилли свела сообщение по голосовой почте к минимуму, опасаясь, что связь может прерваться в любую минуту. К тому времени, как она договорила, телефон заглох у нее в руке.

– Надеюсь, хоть что-нибудь из этого прошло, – сказала она, поворачиваясь к Тирни. – Если хоть что-то прошло, Датч поймет остальное.

Она стянула плед с головы, но он так и остался у нее на плечах. Шерсть промокла, к ворсу прилипли комки нерастаявшего льда. Ей было холодно, она продрогла и чувствовала себя паршиво. Впрочем, Тирни наверняка еще хуже. Он держался, но, казалось, в любую минуту мог рухнуть. Сквозь черную шерстяную шапочку просочилась свежая кровь. Брови и ресницы заиндевели. Он был похож на привидение.

Лилли протянула руку к его глазам.

– У тебя тут...

– Иней? – догадался он. – У тебя тоже. Сейчас растает.

Лилли стерла кристаллики льда с лица.

– Никогда раньше не сталкивалась со стихией в открытом бою. Мое самое страшное приключение – попасть под дождь без зонтика.

Она поднялась, подошла к термостату на стене и, настроив его, услышала знакомый и такой приятный слуху шорох воздуха, проникающего в комнату сквозь решетку вентиляции в потолке.

– Скоро тут станет тепло. – Возвращаясь к дивану, она заметила: – Я не чувствую пальцев. Ни на руках, ни на ногах.

Тирни стащил перчатку при помощи зубов, потом кивнул ей на диван, на котором сам сидел.

– Сядь и сними сапоги.

Лилли села рядом с ним, сняла перчатки и с трудом стянула с ног промокшие сапожки.

– Ты мне сразу сказал, что они промокнули.

– Это было нетрудно.

Ее носки можно было выжимать, как и штанины до самого колена. Весь ее костюм был выбран в соответствии с модой, а не с погодой.

Тирни похлопал себя по колену.

– Давай сюда ногу.

Лилли колебалась, но в конце концов положила ногу ему на колени. Он стащил с нее тонкий носок. Она не узнала свою собственную ногу. Ступня была белой, как кость, совершенно бескровной. Тирни крепко зажал ее обеими руками и принялся энергично растирать.

– Будет больно, – предупредил он.

– Уже больно.

– Надо восстановить кровообращение.

– Ты когда-нибудь писал о том, как пережить снежную бурю?

– Не по личному опыту. Теперь я понимаю, какая это была поверхностная и скудная по части информации статья. Лучше?

– Пальцы покалывает.

– Вот и хорошо. Значит, в них кровь возвращается. Видишь? Уже розовеют. Давай вторую ногу.

– А как же твои?

– Подождут. У меня ботинки водонепроницаемые.

Лилли поменяла ноги. Тирни стянул носок, обхватил ступню и начал массировать, восстанавливая чувствительность. Но теперь он не спешил, слегка пощипывал каждый палец, растирал подушечкой большого пальца свод стопы к пятке и обратно. Лилли следила за его руками. Сам он тоже смотрел на свои руки. Оба молчали.

Наконец он зажал согревшуюся ногу между ладонями и повернулся к ней лицом. Их лица оказались так близко, что она могла сосчитать все ресницы у него на глазах, мокрые от растаявшего льда.

– Лучше? – спросил Тирни.

– Гораздо лучше. Спасибо.

– На здоровье.

Он не сделал никакого движения, чтобы разжать ладони: предоставил возможность ей самой убрать ногу. Лилли спустила ногу с его колен и вытащила из кармана пальто пару сухих носков. Это позволило ей отодвинуться от него без демонстративности, естественным образом.

Но она продолжала наблюдать за ним краем глаза, пока он, наклонившись, расшнуровывал свои высокие походные ботинки. Даже когда они были расшнурованы, Тирни не разогнулся. Он оперся локтем на колено и опустил голову на руку.

– Тебя опять тошнит? – спросила Лилли.

– Да нет, вроде бы нет. Просто дурнота. Это пройдет.

– Может быть, у тебя сотрясение мозга.

– Тут никакого «может быть» быть не может. Дело ясное.

– Прости! Мне очень жаль.

Ее виноватый тон заставил его поднять голову.

– С какой стати тебе извиняться? Если бы не я, ты не разбила бы свою машину.

– Я ничего не видела дальше радиатора. И вдруг ты возник передо мной, прямо как из-под земли, и...

– Я сам во всем виноват. Увидел твои фары на повороте и не захотел упустить свой последний шанс спуститься в город на машине. Бросился бежать, но слишком сильно разогнался на склоне. Инерция понесла меня вперед.

– Я тоже виновата. Глупо было так резко тормозить.

– Рефлекс, – пожал он плечами. – В любом случае ты не должна себя винить. Может, судьба свела нас не случайно.

– Ты, вероятно, спас мне жизнь. Будь я одна, осталась бы в машине и к утру превратилась бы в кусок льда.

– Ну, значит, тебе повезло, что именно я попался тебе на пути.

– А что ты делал на пике Клири в такую погоду, да еще без машины?

Он наклонился и начал стаскивать правый башмак.

– Любовался окрестностями.

– В такую погоду? – повторила Лилли.

– Хотел добраться до вершины.

– Прямо перед бурей?

– В зимние месяцы горы имеют особую привлекательность. – Тирни снял второй башмак и отбросил его в сторону, а потом принялся растирать себе пальцы. – Когда я насмотрелся и почувствовал, что готов вернуться обратно в город, моя машина не завелась. Наверное, аккумулятор сел. И тогда я решил: чем идти по дороге со всеми этими поворотами, срежу-ка я путь напрямую через лес.

– В темноте?

– Да, теперь-то я понимаю – это было не самое умное решение, но все было бы в порядке, если бы циклон пришел не так быстро.

– Я тоже не рассчитала. Так по-дурачки задремала и... Что случилось? – спросила Лилли, заметив, что он часто-часто моргает, словно отгоняя дурноту. – Обморок?

– Возможно. Проклятое головокружение.

Лилли встала и положила руки ему на плечи.

– Надо откинуться назад и положить голову на подушку.

– Если я потеряю сознание, приведи меня в чувство. Не давай мне спать. Я не должен засыпать с сотрясением мозга.

– Ладно.

Но он все-таки не хотел ложиться.

– Я испачкаю кровью твою кушетку.

– Вряд ли это имеет значение, мистер Тирни, и к тому же это больше не моя кушетка.

Он сдался и позволил ей уложить себя на диван. Лилли положила ему под голову диванную подушку.

– Так лучше?

– Да, спасибо.

Лилли никак не могла согреться даже в пальто. Она вернулась ко второму дивану и набросила себе на плечи вязаный плед.

– Больше не твоя кушетка? – спросил Тирни с закрытыми глазами. – Я слышал, что дом продается. Он продан?

– Сделка состоялась вчера.

– Кто его купил? Кто-нибудь из местных?

– Нет, пожилая пара из Джексонвилла, Флорида. Хотят проводить здесь летние месяцы.

Тирни открыл глаза и обвел взглядом комнату. Коттедж был снабжен всеми современными удобствами, но был построен и отделан в деревенском стиле и гармонировал с горной местностью. Простая массивная мебель была создана для удобства и уюта, а не для показухи.

– Они купили себе потрясающий летний дом.

– Да, это верно. – Лилли тоже оглядела комнату, словно оценивая надежность конструкции. – Мы тут продержимся, да? Я хочу сказать, пока буря не утихнет.

– Откуда поступает вода?

– Из резервуара на плоскогорье где-то посередине между домом и городом.

– Надеюсь, трубы еще не замерзли.

Лилли обогнула буфетную стойку, отделявшую жилую комнату от кухни.

– Вода у нас есть, – объявила она, открыв кран.

– Есть, во что ее набрать?

– Кухонная утварь была продана вместе с домом.

– Начинай заполнять все горшки и кастрюли, какие найдешь. Нам нужно собрать как можно больше питьевой воды, пока трубы не замерзли. Хорошо, что ты захватила с собой всю эту еду. С голоду не умрем.

Лилли нашла глубокий сотежник, в котором когда-то готовила индейку на День благодарения¹¹, и поставила его в раковину под открытый кран. Вернувшись в комнату, она указала на камин:

– Дрова сложены на крыльце.

– Да, но пока мы входили, я заметил, что они отсырели и бревна не расколоты.

– Наблюдательность – ценная черта.

– У меня действительно есть способность не упускать детали.

– Да, я заметила.

– Когда?

¹¹ Официальный праздник в США в память первых переселенцев из Европы. Отмечается в четвертый четверг ноября.

– Что – когда?

– Когда ты заметила, что у меня есть способность не упускать детали? Сегодня или в тот день прошлым летом?

– Думаю, оба случая сыграли свою роль. На подсознательном уровне, – пояснила Лилли, а сама подумала: интересно, каких именно деталей, касающихся ее особы, не упустили его пронзительно-синие глаза в этот вечер и в тот памятный день в прошлом июне?

– Зачем ты ему звонила?

Этот вопрос показался ей настолько неуместным, что Лилли растерялась. Она взглянула на свой сотовый телефон, который положила на кофейный столик, чтобы сразу достать, если он зазвонит.

Не давая ей времени для ответа, Тирни продолжал:

– Я слышал, ты развелась.

– Мы развелись.

– Так зачем же ты ему звонила?

– Датч теперь работает начальником полиции Клири.

– Об этом я тоже слышал.

– Это его работа – разбираться с экстренными ситуациями, вызванными бурей. У него есть и власть, и возможности, чтобы организовать помощь и вызволить нас отсюда.

Тирни несколько секунд молчал, потом бросил взгляд на дверь.

– Никто сюда сегодня не придет. Ты это понимаешь?

– Да, думаю, сегодня мы предоставлены сами себе, – кивнула Лилли. Ей вдруг стало неловко, и она глубоко засунула руки в карманы пальто. – Ой, аптечка! – вскрикнула она, нащупав коробочку в кармане. – Я чуть не забыла.

Лилли вытащила ее из кармана. Это была маленькая белая пластмассовая коробочка с красным крестом на крышке, из тех, что заботливые мамы кладут в рюкзачок своим дочкам перед походом или баскетбольным матчем. Лилли открыла ее и осмотрела содержимое.

– М-да, негусто. Но тут есть салфетки с антисептиком, можно хотя бы прочистить рану. – Она взглянула на него в нерешительности. – Хотите сами снять шапочку или доверите мне?

– Лилли?

– А?

– С каких это пор мы стали на «вы»?

Она смущенно пожала плечами:

– Ну, я не знаю... Мне кажется, это как-то больше подходит... к обстоятельствам.

– А обстоятельства состоят в том, что мы застряли здесь на неопределенное время и друг без друга нам не выжить, верно?

– Согласитесь, положение весьма неловкое.

– Почему неловкое?

«Он что, действительно не понимает или дурака валяет?» – нахмурилась Лилли.

– Потому что, если не считать того дня на реке, мы практически незнакомы.

Он встал и медленно подошел к ней, заметно пошатываясь.

– Если ты считаешь, что мы друг другу чужие, значит, тот день на реке запомнился тебе не так, как мне.

Она отступила на шаг и покачала головой, то ли прогоняя воспоминания о ярком солнечном дне на реке, то ли отстраняясь от него. Что ею двигало, она сама не знала.

– Послушай, Тирни...

– Слава тебе господи! – Он ослепил ее своей заразительной улыбкой, которая, увы, слишком хорошо запомнилась ей с прошлого лета. – Я опять стал просто Тирни.

* * *

– Тирни? – переспросил старший специальный агент Кент Бегли.

– Так точно, сэр. Бен Тирни, – подтвердил специальный агент Чарли Уайз.

В ставке ФБР в Шарлотте у Чарли Уайза было прозвище Филин, и все называли его именно так. Он носил очки в черепаховой оправе с толстыми круглыми линзами, поэтому прозвище прижилось. Филин, как известно, символ мудрости, поэтому Чарли Уайз не обижался.

И вот сейчас Бегли вглядывался сквозь эти толстые линзы прямо в немигающие глаза Филина, гипнотизируя его одним из своих «фирменных» пронизывающих взглядов. Подчиненные называли этот жуткий взгляд «яйцerezкой». Разумеется, за спиной у Бегли.

Бегли был человеком глубоко верующим, у него всегда под рукой была Библия с его собственным именем, вытисненным золотом на черном кожаном переплете. Книга выглядела потрепанной и зачитанной. Он часто цитировал из нее наизусть.

Одним из моральных запретов в строгой системе ценностей старшего спецаргента Бегли был запрет на употребление непристойностей или грубых намеков на секс в разговоре. Он не спускал такого никому и уж тем более не терпел ничего подобного от своих подчиненных – мужчин или женщин. Сам он прибегал к грязным словам, только когда считал их абсолютно необходимыми для доходчивого изложения своих мыслей. То есть примерно раз в десять секунд.

Филин был надежным, способным и хладнокровным агентом. Он никогда не терял присутствия духа и не так часто, не так сильно, как другие, трепетал под «яйцerezкой» старшего спецаргента Бегли. Никто не знал, каковы показатели Филина в стрельбе, но он считался одним из ведущих специалистов по компьютерным делам. Он прекрасно умел вести поиск, в этом деле ему не было равных. Уж если Филин не мог выудить нужные данные, значит, таких данных просто не существовало в природе.

Он, не дрогнув, встретил свирепый взгляд своего шефа.

– Я уже несколько дней изучаю Бена Тирни, сэр. Всплыли кое-какие любопытные факты.

– Я слушаю.

Бегли указал ему на стул напротив себя, но, поскольку он продолжал сверлить Филина взглядом, тот счел за благо начать свой рапорт стоя.

– За последние два года Бен Тирни довольно часто посещал округ Клири и прилегающие районы. Он останавливается там на две-три недели, иногда на месяц, потом уезжает.

– Там, в горах, много народу толчется, – заметил Бегли. – Отпускники. Туристы.

– Мне это известно, сэр.

– Так что же делает его таким особенным? Его визиты в Клири совпадают с датами исчезновений?

– Да, сэр, совпадают. Он останавливается на турбазе в двух милях от центра города. Индивидуальные коттеджи с кухоньками и верандами, с видом на озеро и водопад.

Бегли кивнул. Он хорошо представлял себе место, описанное Филином. Таких турбаз в округе было множество: небольшие горные общины в штате Северная Каролина жили в основном за счет туризма, привлекая любителей охоты, рыбалки, а также пеших и байдарочных походов.

– Менеджер турбазы показал, что мистер Тирни всегда резервирует самый большой коттедж. Номер восемь. Две спальни, жилая комната с камином. И вот что мне кажется примечательным: он всегда сам производит уборку в своем коттедже. Вне зависимости от срока

пребывания он сам дважды в неделю забирает чистое постельное белье на стойке регистрации и отказывается от ежедневных услуг уборщицы.

– Ну, Филин, это еще не дымящийся «кольт».

– Но это подозрительно, согласитесь.

Бегли встал из-за стола и подошел к большой деревянной подставке, которую Филин заранее принес к нему в кабинет. На подставке была закреплена пробковая доска, к ней были припилены фотографии пяти женщин, пропавших в окрестностях Клири, а также данные, собранные на каждую из них: дата рождения, водительские права, номер карточки социального страхования, дата исчезновения, описание внешности, ближайшие родственники или близкие друзья, интересы и увлечения, вероисповедание, образование, банковские счета и другие источники дохода (все они остались нетронутыми), последнее местонахождение и еще все то, что могло бы помочь в розыске женщин или неизвестного похитителя, получившего прозвище Синий.

– А этот Тирни подпадает под психологический портрет серийного сексуального маньяка?

Хотя еще не было точно установлено, что пропавшие женщины стали жертвами сексуального нападения, рабочая версия гласила, что мотив похищения был именно таков.

– Да, сэр. Он держится особняком, предпочитает одиночество. Один недолгий брак. Разведен.

– Бывшая жена?

– Снова вышла замуж.

– Подробности брака и развода?

– Перкинс добывает для меня подробности. Он копает.

– Дальше.

– Сорок один год. Паспорт гражданина США, водительские права выданы в Виргинии. Рост шесть футов три дюйма, вес сто восемьдесят пять фунтов. Во всяком случае, столько он весил, когда обновил права два года назад. Волосы черные, глаза синие. Чисто выбрит. Никаких татуировок или видимых шрамов.

Управляющий турбазой говорит, что он вежлив и нетребователен, щедро дает чаевые горничной, хотя не пользуется ее услугами. Расплачивается единой кредитной картой. Использует ее практически для всех платежей и пополняет счет каждый месяц. Никаких непогашенных долгов. Никаких недоразумений с налоговой службой. Ездит на джипе «Чероки» последней модели. Регулярно платит страховые взносы и проходит техосмотр.

– Образцово-показательный гражданин. Прямо-таки столп общества.

Несмотря на свое замечание, Бегли прекрасно понимал, что под маской образцово-показательного гражданина может скрываться преступник, психопат или социопат. За свою долгую карьеру он перевидал немало монстров в самом благопристойном обличье.

Была, например, в его практике женщина, овдовевшая шесть раз, прежде чем кому-то пришло в голову расследовать столь невероятное совпадение. Своих мужей она убивала изобретательно и нешаблонно, но самым замечательным в этом деле был движущий мотив: она просто обожала устраивать похороны! Она была пухленькой, как откормленная индюшка, и хорошенькой, как персик. Никто не заподозрил бы, что она способна убить хотя бы муху.

Или, скажем, мужчина, который на Рождество регулярно изображал Санта-Клауса в торговом центре по соседству со своим домом. Добродушный, веселый, приветливый со всеми, кто его знал, он сажал детей на колени, спрашивал, что они хотят получить в подарок на Рождество, раздавал сладости, говорил им, чтобы вели себя хорошо и не шалили. В то же самое время он выбирал среди детей одного, которого позже насиловал, расчленял и вывешивал различные части тела в рождественских чулках на своей каминной полке.

Бегли привык ничему не удивляться. И уж тем более не мог его удивить предполагаемый похититель женщин, отличающийся вежливыми манерами, щедро дающий на чай и оплачивающий счета вовремя.

– Как насчет друзей? – спросил Бегли. – Кто-нибудь навещает его в арендованном коттедже?

– Никто. Если позволите процитировать мистера Гаса Элмера, управляющего турбазой: «Он сам по себе».

Бегли внимательно взглянул на фотографию Лорин Эллиотт, третьей пропавшей женщины. У нее был скверный перманент и добрая улыбка. Ее машину нашли на стоянке шашлычной под открытым небом, на полпути между клиникой, в которой она работала медсестрой, и ее домом. Она не востребовала заказанную накануне по телефону порцию мяса на ребрышках.

– Какое место Бен Тирни называет своим домом?

– У него есть кондоминиум в Виргинии, на самой границе округа Колумбия¹², на этот адрес он получает почту, – ответил Филин. – Но Тирни редко там бывает. Он все время в разъездах.

– А мы знаем почему? – повернулся к нему Бегли.

Филин перебрал кипу бумаг, которую принес с собой, и извлек из нее популярный журнал для любителей спортивных состязаний и развлечений на открытом воздухе.

– Страница тридцать семь.

Бегли взял журнал и перелистал страницы. На тридцать седьмой был напечатан репортаж о путешествии на плотках по реке Колорадо.

– Он – писатель-путешественник, – пояснил Филин. – Занимается экстремальным туризмом, ездит в экспедиции, пишет о них, продает статьи в журналы, специализирующиеся на такого рода вещах. Альпинизм, походы с палатками, дельтапланеризм, подводное плавание, путешествия на собачьих упряжках. И так далее в том же духе. Что ни назовите, он все перепробовал.

Репортаж сопровождался цветной фотографией: двое мужчин на каменистой речной отмели на фоне белых кипящих порогов. Один из мужчин был бородатый, коренастый, ростом гораздо ниже шести футов трех дюймов. Подпись под снимком гласила, что это проводник.

Второй соответствовал описанию Тирни. Широкая белозубая улыбка на удлинённом загорелом лице. Растрепанные ветром черные волосы, икроножные мышцы твердые, как бейсбольные мячи. Рельефная мускулатура рук. Плоский живот, похожий на стиральную доску. Ни дать ни взять Давид работы Микеланджело в плотных холщовых шортах.

– Ты что, издеваешься надо мной, мать твою? – грозно нахмурился Бегли. – Да такого парня женщины забрасывают своими трусиками.

– Тед Банди¹³ имел репутацию дамского угодника, сэр.

Бегли фыркнул, признавая справедливость замечания подчиненного.

– Что насчет женщин?

– Вы имеете в виду связи?

– Все, что угодно.

– Соседи Тирни в Виргинии мало что о нем знают, потому что он там редко бывает, но они в один голос заявили, что никогда не видели там женщин.

– У такого красавца-холостяка? – усомнился Бегли.

¹² В округе Колумбия, территориально не входящем ни в один из штатов, расположен Вашингтон, столица США.

¹³ Теодор Банди (1946–1989) – один из самых страшных маньяков в истории США, убивший более пятидесяти молодых женщин.

– Ну, может, он «голубой», – пожал плечами Филин, – хотя никаких подтверждений этому нет.

– Может, у него любовное гнездышко где-то в другом месте? – предположил Бегли.

– Может, и так, но и этому нет подтверждений. Никаких долгосрочных связей. Как и краткосрочных, если на то пошло. Но, как я уже упоминал, он все время в разъездах. Должно быть, он, как говорится, ловит свое на лету – где и когда может.

Бегли обдумал это предположение. Серийные насильники и убийцы женщин нечасто оказывались способными поддерживать здоровые и продолжительные сексуальные отношения. Напротив, для них было характерно активное неприятие женщин. В зависимости от психологии такого насильника враждебность могла быть скрытой, хорошо замаскированной, или открытой, ясно выраженной. В любом случае она проявлялась в актах насилия против женщин.

– Ладно, считай, ты меня заинтересовал, – сказал Бегли, – но, я надеюсь, это не все, что у тебя есть.

Филин еще раз перелистал бумаги. Найдя нужный лист, он объявил:

– Вот отрывок из дневника Миллисент Ганн. «Опять видела сегодня Б. Т. Второй раз за последние три дня. Он до ужаса клевый. И всегда очень мил со мной». Слово «очень» подчеркнуто, сэр. «Мне кажется, я ему нравлюсь. Всегда находит для меня словечко, хотя я такая толстая». Эта запись сделана за три дня до ее исчезновения. Ее родители утверждают, что у нее нет друзей с инициалами Б. Т. Они никого не знают с таким именем.

– Толстая?

– Дело в том, сэр, что мисс Ганн страдает анорексией и одновременно булимией.

Бегли кивнул: он знал о ее госпитализации.

– А мы знаем, где она могла видеть этого Б. Т. дважды за три дня?

– Вот это и навело меня на мысль о Бене Тирни. Я старался разузнать, кем мог быть этот таинственный Б. Т. Первым делом проверил школу, но ушел ни с чем. Все Б. Т. оказались девочками. Тогда я подумал о том месте, где Миллисент работает. Она подрабатывает на неполной ставке в магазине своего дяди. Он торгует скобяным товаром, садовыми инструментами, а также спортивным инвентарем и одеждой.

Бегли повернулся обратно к мольберту и вновь принялся изучать фотографии пяти предполагаемых жертв, задумчиво покусывая нижнюю губу. Он сосредоточился на первой.

– Он был в Клири, когда Торри Ламберт пропала с туристского маршрута?

– Я не знаю, – признался Филин. – Пока у меня нет документированных сведений о его пребывании здесь в день ее исчезновения, но он, безусловно, появился в городе вскоре после этого, что подтверждено регистрацией в журнале турбазы.

– Может, после Торри Ламберт он решил, что район богат дичью, и стал приезжать сюда регулярно?

– Вот и я так думаю, сэр.

– Он путешествует. Ты искал аналогичные случаи исчезновений поблизости от других его маршрутов?

– Над этим тоже работает Перкинс, сэр.

– В НЦИП¹⁴ что-нибудь есть? – спросил Бегли.

– Ничего. – После короткой паузы Филин продолжил: – Но мы еще не установили все места, где он успел побывать. Нам предстоит проверить по кредитной карточке, где он расплачивался за последние несколько лет, потом провести перекрестную проверку нераскрытых дел в тех местах, где он побывал. Скудная работа, требующая времени.

– Он был поблизости от Клири, когда пропала Миллисент Ганн?

¹⁴ Национальный центр информации о преступности.

– Он зарегистрировался в коттедже за неделю до того, как родители сообщили, что их дочь пропала.

– Что думают об этом ребята из местного отделения?

– Я не делился с ними этой информацией, сэр.

Бегли опять отвернулся от доски.

– Я иначе поставлю вопрос. Что они думают о том, что ты расследуешь это дело?

Он имел в виду представительство ФБР, расположенное ближе к Клири, чем штаб-квартира в Шарлотте. Филина перевели из этого представительства в Шарлотту больше года назад, но расследовать исчезновение и предполагаемое похищение Торри Ламберт он начал еще на старом месте работы.

– Это с самого начала было мое дело, сэр. Коллеги это признают. Они рады, что я им занимаюсь. Мне хотелось бы довести его до конца, сэр.

Полминуты прошло в молчании. Бегли продолжал изучать фотографии на мольберте. Внезапно он повернулся волчком.

– Филин, я думаю, нам с тобой стоит потратить время на поездку в горы. Надо потолковать с мистером Тирни.

Филин не сразу нашелся с ответом.

– Вы и я? Сэр...

– Давно я не занимался полевой работой. – Бегли обвел стены своего кабинета таким взглядом, словно они вдруг начали его душить. – Мне это будет полезно.

Приняв решение, он тут же начал составлять план действий.

– Не хочу, чтобы весь город узнал, что мы интересуемся Беном Тирни. Что ты сказал этому... как его... управляющему?

– Его зовут Гас Элмер. Я сказал ему, что Тирни – претендент на гуманитарную премию своей альма-матер, и поэтому все аспекты его жизни рассматривает специальная комиссия.

– И он это съел?

– У него три зуба, сэр.

Бегли рассеянно кивнул, его мысли ушли уже далеко вперед.

– И давай как можно дольше держать в неведении местную полицию. Они все изгадят, если узнают, что этот парень и есть Синий. Как звать эту задницу?

– Тирни.

– Да не ту задницу, – нетерпеливо отмахнулся Бегли. – Шефа полиции.

– Бертон. Датч Бертон.

– Точно. По-моему, там была какая-то история.

– Он служил в полиции Атланты, – объяснил Филин. – Детектив отдела убийств. Прекрасный послужной список. Несколько наград. Никаких замечаний. А потом он сорвался. Начал сильно пить.

– Как же так?

– Семейные проблемы, насколько мне известно.

– Ладно, что бы это ни было, результат нам известен: его вышибли пинком под зад. Теперь я вспомнил. – Все это время Бегли собирал необходимые ему личные принадлежности, включая сотовый телефон, фотографию своей жены, снятую тридцать лет назад, фотографии трех своих детей и свою Библию. Он сдернул пальто с вешалки у двери и натянул его. – Захвати все это с собой. – Он указал на распечатки файлов по делу, лежащие на коленях у Филина. – Я прочту их по пути, пока мы едем.

Филин встал, подхватив бумаги, и бросил опасливый взгляд за окно, за которым над городом сгустились преждевременные сумерки.

– Вы хотите сказать... Мы едем прямо сегодня?

– Мы едем, Филин, сию же гребаную минуту.

– Но, сэр, прогноз...

Вместо ответа он получил полную обработку «яйцезрезкой» без анестезии. Филин не дрогнул, но ему пришлось откашляться.

– Дело в том, сэр, что они объявили рекордно низкие температуры, снег, гололед, метель – особенно в той части штата. Мы въедем прямо в эпицентр снежной бури.

Бегли указал ему на доску.

– Хочешь сделать свой прогноз, Филин? Как ты думаешь, что произошло с этими дамами? Через что им приходилось пройти, перед тем как этот долбаный ублюдок их добивает? Не знаешь? Тогда я тебе скажу. Да, у нас нет полной уверенности, что они мертвы, потому что тела до сих пор не найдены. Хотелось бы надеяться, что мы найдем их целыми и невредимыми, но я тридцать с лишним лет копаюсь в этом дерьме. Давай взглянем правде в глаза, Филин: мы, скорее всего, обнаружим лишь кости. А ведь у этих женщин было будущее, они о чем-то мечтали, кто-то их любил. А теперь погляди на эти лица и скажи: ты и дальше будешь ныть насчет плохой погоды?

– Нет, сэр.

Бегли повернулся и вышел, приговаривая на ходу:

– Я так и думал.

* * *

Прошло около четверти часа, как Тирни стащил с головы шапку и Лилли прижала к ране полотенце, но кровь все продолжала сочиться.

– Поверхностные раны на голове всегда сильно кровоточат, – объяснил Тирни, видя, что Лилли встревожилась. – Все эти капилляры...

– Вот чистое полотенце.

Передав ему полотенце, Лилли попыталась забрать окровавленное, но Тирни его удержал.

– Не надо тебе его трогать. Я отнесу его в ванную. Полагаю, это там?

– Справа от тебя.

– Пойду смою кровь с волос. Может, холодная вода поможет остановить кровотечение. – Шатаясь, как пьяный, Тирни побрел в спальню. Он привалился к дверному косяку и обернулся. – Продолжай наполнять все возможные емкости водой. Трубы скоро замерзнут. Нам понадобится питьевая вода.

Он скрылся в спальне, и там зажегся свет. Лилли заметила, что на дверном косяке осталась кровь.

Когда он сказал: «Слава богу, я опять стал просто Тирни», у него на лице появилась та неотразимая ленивая усмешка, которая запомнилась ей с прошлого лета. Охвативший ее приступ мучительного смущения тут же исчез, как по волшебству. Теперь собственное поведение показалось ей по-детски глупым.

Она мало знала о Тирни, но он тем не менее не был для нее чужим, незнакомым человеком. Летом она провела с ним целый день. Они много разговаривали, много смеялись. После того дня она стала читать его статьи. Он был отличным журналистом, его статьи часто появлялись в различных изданиях.

Так почему же она повела себя как идиотка?

Ну, во-первых, ситуация сложилась, мягко говоря, необычная. Лилли прекрасно знала, что такие происшествия время от времени случаются. О случаях чудесного спасения частенько можно было услышать по радио или прочесть в газете. Но чтобы такое произошло с ней, Лилли Мартин? Никогда!

И тем не менее она оказалась именно в такой ситуации. Она переворачивала вверх дном уже не принадлежащую ей кухню в поисках контейнеров для питьевой воды, необходимой ей и Тирни – человеку, которого она почти не знала, но с которым оказалась заключенной в маленьком горном коттедже, возможно, на несколько дней.

И она была вынуждена признать, что не будь Тирни так хорош собой, так по-мужски привлекателен, она, конечно, не стала бы так нервничать. Если бы не тот летний день, проведенный с ним на реке, она бы не была так смущена, оказавшись с ним наедине.

– Вода еще идет?

Лилли вздрогнула, когда его голос неожиданно раздался прямо у нее за спиной.

– Да. К счастью. – Она повернулась к Тирни и увидела, что он прижимает к затылку полотенце. Волосы у него были мокрые. – Как дела?

– Под водой было больно. Отчасти, наверное, потому, что она такая холодная. Но потом, мне кажется, холод притупил боль. – Он отнял руку с полотенцем от затылка. Полотенце было в свежих пятнах крови, но ее стало заметно меньше. – Вот и кровь почти перестала. Ты не могла бы посмотреть?

– Я уж хотела начать тебя уговаривать.

Он сел на один из высоких стульев верхом – лицом к спинке. Лилли поставила аптечку на стойку, зашла ему за спину и после минутного колебания осторожно развела волосы чуть ниже макушки.

– Ну? – спросил он.

Порез был глубокий и длинный. На ее неопытный взгляд, рана выглядела скверно и казалась опасной. Лилли шумно вздохнула.

– Все так плохо? – улыбнулся Тирни.

– Ты когда-нибудь видел перезрелый арбуз с лопнувшей коркой?

– Ой-ей-ей.

– И на затылке припухло.

– Да, это я почувствовал, пока промывал.

– Я бы сказала – тут требуется не меньше дюжины швов. – Тирни повесил полотенце себе на шею. Лилли подняла уголок полотенца и боязливо промокнула рану. – Хорошая новость: кровь больше не течет. Едва сочится, это скорее сукровица.

В аптечке нашлись всего четыре тампона, пропитанных антисептиком, в индивидуальной упаковке.

– Держись, – сказала Лилли, не зная, кому она это говорит, Тирни или себе самой.

Он схватился за ажурную спинку стула и положил подбородок на руки.

– Я готов.

Но стоило ей прикоснуться марлевым тампоном к ране, как он дернулся и со свистом втянул в себя воздух. Лилли торопливо заговорила, стараясь его отвлечь:

– Удивляюсь, как это ты не захватил аптечку с собой. Я думала, у тебя в рюкзаке есть все на все случаи жизни. Ты же такой опытный путешественник!

Когда они добрались до коттеджа – Тирни бросил рюкзак на пол, да так и не притронулся к нему, только запихнул ногой под стол, чтобы не мешал проходу.

– Серьезное упущение. Исправлюсь.

– А что вообще у тебя в рюкзаке? – спросила она.

– А что тебя интересует?

– Есть что-нибудь полезное?

– Нет, сегодня я путешествовал налегке. Шоколадный батончик. Бутылка воды. Съедено, выпито.

– Тогда зачем ты притащил его с собой?

– Прости, не понял?

– Рюкзак. Если в нем нет ничего полезного, зачем ты вообще его взял?

– Лилли, не сочти меня неженкой, но скоро ты закончишь? Жжется, черт! Больше не могу терпеть.

Лилли подула на рану, потом чуть откинула голову и осмотрела ее.

– Я все обработала антисептиком. Рана выглядит воспаленной.

– Да уж, это чувствуется. – Тирни взял аптечку со стойки и осмотрел содержимое. – Бросим жребий на аспирин?

– Он твой.

– Спасибо. А у тебя нет с собой такого маленького наборчика для шитья? Ну, на всякий случай. Вдруг пуговица отлетит или еще что...

Лилли стало нехорошо.

– Не проси меня об этом, Тирни.

– О чем?

– Зашить рану.

– Ты этого не сделаешь?

– У меня нет иглки.

– Ну, значит, повезло. Маникюрные ножницы есть?

– Есть.

Пока Тирни глотал две таблетки аспирина, Лилли вынула из сумки маникюрный набор и достала маленькие ножнички.

– Отлично, – кивнул Тирни. – Между прочим, кастрюля уже переполнилась.

Лилли заменила кастрюлю пластмассовым кувшином. Тирни отлепил защитную наклейку от пластинки лейкопластыря.

– Давай нарежем его полосками и наклеим крест-накрест на порез. Не швы, конечно, но поможет хоть как-то стянуть края.

Его пальцы не пролезали в кольца миниатюрных ножниц.

– Дай мне. – Лилли взяла у него пластырь и ножницы, нарезала полоски и заклеила рану, как он велел. – Ну вот, теперь почти совсем не кровоточит, – облегченно вздохнула она, закончив работу.

– Теперь наложи марлевый тампон.

Лилли осторожно наклеила пропитанную антисептиком марлевую салфетку поверх раны.

– Будет больно, когда придется снимать. Потянет за волосы.

– Ничего, выживу. – Вполголоса он добавил: – Дай-то бог.

7

– Почему ты так говоришь? Что-нибудь еще? Не молчи, скажи, – спросила пораженная его мрачным тоном Лилли.

– У меня весь левый бок болит. Такое чувство, будто кто-то пытался вскрыть ребра ломом, хотя, по-моему, все кости целы.

– Но ведь это хорошо?

– Да, но внутри что-то могло лопнуть. Почка, печень, селезенка.

– Будь у тебя внутреннее кровотечение, разве ты бы не почувствовал?

– Понятия не имею. Я слышал, что можно умереть от внутреннего кровотечения, а причина обнаружится только при вскрытии. Но если у меня живот начнет раздуваться, это верный признак, что он наполняется кровью.

– А что, он у тебя раздувается?

– Да вроде нет.

Лилли озабоченно закусила нижнюю губу.

– Разве при внутреннем кровотечении можно принимать аспирин?

– Голова так болит, что рискнуть стоило. – Тирни осторожно встал с табурета, подошел к раковине и вытащил наполнившийся кувшин. – Если я выживу, нам понадобится питьевая вода на неопределенное время. У тебя есть другие емкости?

Они вместе обыскали коттедж и начали наполнять все, что не протекало.

– Жаль, что у тебя тут только душ, – заметил Тирни. – Нам не помешала бы ванна.

Когда все найденные контейнеры, включая ведро для половой щетки, были наполнены, Тирни переключил свое внимание на другое.

– А электричество здесь откуда? – поинтересовался он.

– Пропан. Тут есть подземный резервуар.

– Когда его наполняли в последний раз?

– Прошлой зимой, насколько мне известно. Я все равно собиралась продать коттедж и не вызвала газовщиков закачать резервуар этой осенью. Насколько мне известно, Датч тоже их не вызывал.

– Значит, газ может иссякнуть.

– Да, наверное. Все зависит от того, насколько часто Датч пользовался коттеджем в мое отсутствие.

– А ты давно здесь не была?

– До этой недели? Наверно, уже год. Не помню точно.

– А на этой неделе ты здесь оставалась?

– Да.

– А Датч?

Каким-то непостижимым образом их разговор далеко ушел от насущных забот.

– Вопрос не по делу, Тирни.

– Значит, он тут был.

– Значит, его тут не было, – раздраженно отрезала Лилли.

Несколько мгновений Тирни выдерживал ее взгляд, потом взглянул на термостат на стене.

– Пропан надо экономить. Я уменьшу температуру, тогда его хватит подольше. Идет?

– Хорошо.

– Если газ кончится, греться будем только у камина. Надеюсь, у тебя есть еще дрова, кроме тех, что сложены на крыльце.

Лилли обиделась на него за намеки на то, что она все еще спит со своим бывшим мужем, но в домике и без того было тесно, места для ссор не оставалось. Она решила замять эту тему.

— Есть еще дрова в сарае, — ответила она, мотнув головой в сторону. — Туда ведет тропинка через...

— Я знаю, где сарай.

— Знаешь? Откуда? — Сарайчик был построен из старых досок и размещен так, что ни с дороги, ни от коттеджа увидеть его было невозможно. Во всяком случае, она так думала. — Откуда тебе вообще известно об этом коттедже, Тирни?

— Ты мне о нем рассказывала прошлым летом.

Она прекрасно помнила, что рассказала ему прошлым летом, потому что с тех пор тысячу раз проигрывала в уме их разговор.

— Я тебе сказала, что у меня есть коттедж в этом районе. Я не говорила, где он находится.

— Правильно, не говорила.

— Но ты уже знал, где он, когда мы столкнулись на дороге. Откуда ты знал?

Тирни посмотрел на нее долгим взглядом, но ответил не сразу:

— Я облазил всю эту гору. Однажды я набрел на этот домик и на сарай, не догадываясь, кто его хозяева. Наверное, это можно считать незаконным вторжением на частную территорию, но я действовал без злого умысла. Потом я увидел объявление: «Продается». Мне это место понравилось, и я связался с агентом по недвижимости. Мне сказали, что дом принадлежит тебе и твоему мужу и вы его продаете, потому что разводитесь и делите имущество. — Тирни развел руками. — Вот так я и узнал о местонахождении твоего коттеджа. — При этом он бросил на нее вызывающий взгляд, словно проверяя, посмеет ли она усомниться в его словах, после чего сам задал вопрос: — Так сколько дров в сарае? Корд?¹⁵

Вообще-то, Лилли не собиралась отступать, ей очень хотелось понять, откуда ему известно многое о ней, но она решила, что, если будет настаивать, это приведет лишь к новым трениям.

— Ну уж никак не корд, — ответила она.

— Что ж, будем надеяться, что нас спасут раньше, чем нам придется рушить и жечь мебель.

— Как ты думаешь, когда это будет? В смысле, когда нас найдут?

— Скорее всего, не завтра. Возможно, послезавтра или еще позднее. Все зависит от погоды.

Лилли вспомнила позапрошлую зиму, когда горные дороги на много дней сделались непроезжими из-за гололедицы. Люди в отдаленных уголках округа остались без электричества — столько инея налипло на провода. Кое-где на восстановление линий ушли недели. А разыгравшаяся за окном буря, по прогнозу, обещала быть куда более сильной и продолжительной, чем предыдущая.

Присев на противоположный диван, Лилли укрыла вязаным пледом ноги. Хорошо, что Тирни позаботился о лишних носках! Мокрые она развесила на спинке стула. Штанины ее брюк все еще были сырыми, но с этим можно было жить. Главное, что ноги были сухими и немного согрелись.

— На сколько ты переставил термостат?

— На шестьдесят¹⁶.

— Однако...

¹⁵ Американская мера объема дров, равная 3,6 кубометра.

¹⁶ 60 градусов по шкале Фаренгейта равно 15 градусам по Цельсию.

– Я понимаю, это, конечно, не курорт, – кивнул Тирни. – Надень еще эту водолазку. Надо беречь тепло тела.

Лилли кивнула, но с места не двинулась.

– Как по-твоему, сколько градусов снаружи?

– С учетом ветра – ниже нуля¹⁷, – ответил он без колебаний.

– Ну, тогда я не буду жаловаться насчет шестидесяти. – Лилли бросила взгляд на камин. – Но было бы неплохо развести огонь.

– Да, конечно, но я действительно считаю...

– Нет-нет, ты прав, топливо нужно беречь. Я просто мечтаю вслух. Я так люблю, когда горит камин.

– Я тоже.

– В комнате становится так уютно.

– Верно.

– Ты не голоден? – спросила Лилли.

– У меня желудок все еще беспокоен. Но если ты голодна, не обращай на меня внимания. Поешь.

– Да нет, мне тоже не хочется.

– Ты не обязана меня сторожить, – нахмурился Тирни. – Я не засну, не бойся. Если ты устала или хочешь спать...

– Нет, честное слово, нет.

Ни за что она бы не позволила себе заснуть, ведь, что бы он ни говорил, он легко мог задремать в тишине, а в его положении это рискованно. Ему необходимо было продержаться несколько часов, только тогда сон будет для него безопасен. К тому же, перед тем как уехать отсюда, она немного поспала и теперь действительно не хотела спать.

Она говорила только для того, чтобы заполнить молчание. И вот сейчас, когда они оба молчали, комнату заполнили другие звуки: вой ветра, стук ветвей, бьющих по крыше, и мелкая дробь ледяных капель о стекла окон. Пустота комнаты и повисшее молчание словно смыкались вокруг них, создавая атмосферу напряженной интимности.

Лилли первая опустила голову, чтобы не встречаться глазами с Тирни. Она бросила взгляд на свой сотовый телефон, лежащий на кофейном столике.

– Если Датч получил мое сообщение, он придумает способ добраться сюда.

– Мне не следовало говорить то, что я сказал. Насчет того, что вы были здесь вместе.

Она жестом дала понять, что извинения не нужны.

– Я просто хочу понять, насколько ты с ним близка, Лилли.

Лилли едва сдержалась. Да какое он имеет право? Она решила раз и навсегда внести ясность в этот вопрос.

– Я позвонила Датчу, потому что он начальник полиции, а вовсе не потому, что между нами остались какие-то личные чувства. Нашему браку пришел конец, но он не оставит меня здесь замерзать, как и я не повернулась бы к нему спиной, если бы речь зашла о его жизни. Если это физически возможно, он спасет нас.

– Он бросится спасать тебя, – уточнил Тирни. – Вряд ли он бросился бы спасать меня.

– С чего ты взял?

– Я ему не нравлюсь.

– Это не ответ.

– Да нет, ничего особенного. Я пару раз сталкивался с ним по чистой случайности. Он ни разу не пожелал представиться. Даже слова не сказал.

– Может быть, ситуация была неподходящая?

¹⁷ То есть около 18 градусов мороза по Цельсию.

– Нет, я думаю, тут дело в другом.

– В чем же?

– Ну, во-первых, я посторонний и вызываю подозрение только потому, что мои прапрабабушки и дедушки родились не в этих горах.

Лилли улыбнулась, признавая, что это он точно подметил.

– Да, здешние люди не доверяют чужакам.

– Я не местный, но я бывал здесь не раз и не два. Многие уже знают меня по имени и заговаривают при встрече. Здравуются. «С возвращением», – говорят, и все такое. Но стоит мне зайти в кафетерий «Аптеки Ритта», как я оказываюсь за прилавком наедине с моей чашкой кофе. Меня ни разу не пригласили в клуб добрых старых парней, сидящих за столиками по утрам. Датч Бертон, Уэс Хеймер и еще несколько таких же. Они все здесь выросли. У них своя компания, и другим туда хода нет. Я к ним не набиваюсь, ты не думай, но за все это время никто из них мне даже «здрасьте» не сказал.

– Прими мои извинения от их имени.

– Поверь мне, это не так уж и важно. Но я подумал... – начал Тирни и вдруг замолк на полуслове.

– Что ты подумал?

– Я подумал: что, если он избегает меня не из местного патриотизма, а потому, что ты могла упомянуть обо мне?

Лилли покачала головой.

– Нет. То есть... до вчерашнего дня я ничего не говорила. – На это он ничего не ответил. Пауза затянулась, и прервать неловкое молчание пришлось ей. – Я не ожидала увидеть тебя в городе. Неужели ты еще не истощил тему местных достопримечательностей?

– Я не ради поиска сюжетов возвращаюсь сюда, Лилли.

Он бросил ей опасную, но притягательную приманку. Настолько притягательную, что не клюнуть на нее было невозможно. Лилли вскинула голову и посмотрела прямо ему в глаза.

– Я опубликовал статью о том нашем дне на реке.

– Знаю. Я ее читала.

– Правда? – Тирни был удивлен и явно обрадован.

– Тот журнал о водных видах спорта издают в том же издательстве, что и мой, поэтому я получаю бесплатные экземпляры. Вот случайно и наткнулась на твою статью.

На самом деле она месяцами внимательно просматривала и этот и другие подобные журналы. Ей было любопытно, не написал ли он что-нибудь о той байдарочной экскурсии.

– Это была отличная статья, Тирни.

– Спасибо.

– Я говорю искренне. Ты умеешь живо передавать детали, атмосферу приключения. Я как будто заново пережила все, что мы тогда испытали. И заголовок броский: «Укрощение Французской Стервы».

– Я хотел привлечь внимание тех, кто не в курсе, – усмехнулся Тирни. – Только прочитав статью, можно понять, что Французская Стерва – это название реки.

– Это была отличная статья, – повторила Лилли.

– Это был прекрасный день, – проговорил Тирни тихим, волнующим голосом.

Прошлым летом в начале июня они оба оказались среди группы туристов, подписавшихся на однодневную экскурсию на байдарках по реке с порогами. Они познакомились в автобусе, который перевез экскурсантов на несколько миль вверх по реке к той точке, откуда им предстояло начать трудный спуск через несколько опасных порогов третьего и четвертого уровня.

Они быстро нашли общий язык и подружились, тем более что, как выразился Тирни, в профессиональном плане они были «хоть и дальними, но все же родственниками». Он –

журналист-очеркист, продающий свои статьи в журналы соответствующего профиля, она – редактор популярного журнала.

Когда группа пристала к берегу и устроила привал на обед, они отделились от остальных и сели рядом на большом валуне, нависшем над несущейся внизу водой.

– Ты главный редактор журнала? – воскликнул он, когда она назвала ему свою должность.

– Вот уже семь лет.

– Я под впечатлением. Это потрясающий журнал!

– Поначалу это был журнал для женщин Юга. Сейчас у нас подписка по всей стране и тираж постоянно растет.

Журнал «Тонкая бестия» публиковал материалы о домашних интерьерах, моде, питании и путешествиях. Он был предназначен для женщин, сочетавших домашнее хозяйство с карьерой, для женщин, желавших получить все сразу и умевших добиваться желаемого. В ее журнале можно было найти советы о том, как при помощи специй из домашних запасов и сервировки превратить стандартный ужин, заказанный на дом из ресторана, в кулинарный шедевр. А рядом могли напечатать репортаж о тенденциях в обувной моде на ближайший сезон.

– Мы, безусловно, не исключаем из круга наших читательниц женщин, предпочитающих сидеть дома с детьми, – увлеченно продолжала Лилли, – но наш основной адресат – женщина, которая хочет преуспеть на работе, спланировать идеальный отпуск для всей семьи и затеять пир без предварительной подготовки.

– Разве такое возможно?

– Прочитай июльский номер, узнаешь.

Он тогда со смехом отсалютовал ей бутылкой минеральной воды. Солнце пригревало, разговор тек лениво и неспешно. Между ними возникла легкая, необременительная симпатия. Казалось, они без слов говорили друг другу: «Мне нравится на тебя смотреть и еще больше нравится тебя слушать». Им было весело спускаться по реке до обеда, но стало грустно, когда гид объявил, что перерыв окончен и пора снова трогаться в путь.

Весь остаток дня они при любой возможности возобновляли разговор, хотя река заставляла их сосредоточиваться на преодолении порогов. Они поминутно ощущали присутствие друг друга, объяснялись улыбками и жестами. Они оба были в прекрасной спортивной форме, легко преодолевали препятствия, и это давало им повод добродушно подшучивать друг над другом, когда кто-то из них или оба оказывались в воде.

Он поделился с ней солнцезащитным кремом, когда она обнаружила, что не захватила свой. Впрочем, это ничего не значило. Столь же охотно он поделился кремом с двумя девицами из колледжа, которые бессовестно флиртовали с ним и всячески старались привлечь его внимание.

Они подошли к берегу в том месте, где утром оставили свои машины. Забросив снаряжение в свой «Чероки», он подбежал к ней.

– Ты где остановилась?

– В Клири. Летом я почти все выходные провожу там. У меня есть домик в горах.

– Неплохо!

– Да, там очень хорошо.

Девушки из колледжа в своем открытом джипе поравнялись с ними.

– Увидимся, Тирни! – кокетливо прокричала та, что сидела за рулем.

– Да-да, конечно.

– Адрес не забыл? – спросила ее подруга.

Он постучал себя по лбу.

– Надежно, как в банке.

Они заговорщически подмигнули ему и умчались, подняв клубы пыли. Лилли для них как будто не существовала.

Тирни помахал им вслед, но потом покачал головой.

– От таких только и жди беды. – Повернувшись к Лилли, он улыбнулся: – Моя мужская гордость уязвлена, но должен признать – ты ловко меня обставила на последнем пороге. Это было настоящее родео!

Лилли сделала шутливый книксен.

– Из уст такого специалиста, как ты, это настоящий комплимент.

– Самое меньшее, что я могу, это поставить тебе выпивку как явной победительнице.

Мы можем где-нибудь пересечься?

Лилли кивком указала на еще не осевшую тучу пыли, поднятую джипом девушек.

– Я думала, у тебя есть планы.

– У меня есть планы. Я планирую встретиться с тобой.

Ее улыбка угасла. Лилли засуетилась в поисках ключей от машины.

– Спасибо, Тирни, но я вынуждена отказаться.

– Как насчет завтрашнего вечера?

– Извини, не могу. – Она взглянула ему прямо в глаза. – Мы с мужем приглашены на ужин.

Его улыбка не просто угасла – он был сражен.

– Ты замужем. – Это был не вопрос, а утверждение.

Она кивнула.

Он взглянул на ее безымянный палец без кольца. Его выражение – смесь растерянности и разочарования – говорило само за себя. Молчание казалось бесконечным.

В конце концов Лилли первой протянула ему руку.

– Очень рада была познакомиться, Тирни.

Он пожал ее руку.

– Аналогично.

– Буду следить за твоими статьями, – сказала Лилли, садясь в машину.

– Лилли...

– Прощай! Береги себя. – Она торопливо захлопнула дверцу и сорвала машину с места, прежде чем он успел еще что-то сказать.

Больше они не виделись вплоть до вчерашнего дня, когда она заметила его на другой стороне Главной улицы в центре Клири. Датч невольно налетел на нее, когда она вдруг застыла на ходу.

– Что там такое?

Тирни как раз открывал дверцу своего «Чероки», когда случайно бросил взгляд в ее сторону. Он пригляделся внимательнее. Их взгляды встретились, они оба замерли.

– Бен Тирни, – рассеянно ответила Лилли на вопрос Датча. А может быть, просто произнесла вслух имя, не дававшее ей покоя последние восемь месяцев.

Датч проследил за ее взглядом. Тирни по-прежнему стоял на другой стороне улицы – одна нога в машине, другая на мостовой – и смотрел на Лилли, словно ожидая от нее некой команды насчет того, что ему делать.

– Ты знаешь этого парня? – удивленно спросил Датч.

– Я с ним познакомилась прошлым летом. Помнишь, я спускалась на байдарке по Французской Стерве? Он был в группе.

Датч толчком открыл дверь в адвокатскую контору, где им предстояло подписать документы о продаже коттеджа.

– Мы опаздываем, – сказал он и втащил ее внутрь.

Когда они вышли из конторы через полчаса, Лилли невольно окинула быстрым взглядом Главную улицу в поисках черного «Чероки». Ей хотелось хотя бы поздороваться, но ни Тирни, ни его джипа не было видно.

И вот теперь он сидел в четырех футах от нее, а ей трудно было встретиться с ним взглядом, и она не знала, что сказать. Ощувив на себе его упорный взгляд, она заставила себя поднять глаза.

– После того дня на реке я несколько раз звонил тебе в редакцию в Атланте.

– Твои статьи не подходят нам по профилю.

– Я звонил не для того, чтобы пристроить статью в журнал.

Лилли отвернулась и посмотрела на пустой камин. Этим утром она своими руками выгребла из него золу. Теперь ей казалось, что это было много лет назад.

– Я знала, зачем ты звонишь, – тихо призналась она. – Вот потому-то и не отвечала на звонки. По той же причине я не могла встретиться с тобой в тот день после экскурсии на байдарках. Я была замужем.

Тирни встал, обогнул кофейный столик и сел рядом с ней на диван. Сел так близко, что ей пришлось на него посмотреть.

– Но сейчас ты уже не замужем.

* * *

Уильям Ритт поднял голову и улыбнулся своей сестре, убравшей со стола его пустую тарелку.

– Спасибо, Мэри-Ли. Рагу было отменное.

– Я рада, что тебе понравилось.

– Я тут подумал: а не ввести ли нам фирменное блюдо в обеденное меню в аптеке? Свое на каждый день недели. Субботний мясной рулет. Пятничные пирожки с крабами. Ты готова поделиться своими рецептами с Линдой?

– Это мамины рецепты.

– Ну, допустим. Но ведь ей уже все равно, поделишься ты ими или нет.

Любому другому такие слова показались бы бесчувственными и жестокими, но Мэри-Ли знала, почему Уильям так говорит, и не могла его винить. Их родители умерли, но дети по ним не горевали. Отец их отличался феноменальным равнодушием, мать – безудержным эгоизмом.

Отец был человеком суровым и замкнутым. Каждое утро он вставал до рассвета и спускался с горы в городскую автомастерскую, где работал механиком, домой возвращался к ужину, который методично поглощал. Он ворчливо и скупое отвечал на прямые вопросы, но помимо этого ему нечего было сказать членам своей семьи, разве что попрекнуть или выбрать. После ужина он принимал ванну, уходил в свою спальню и закрывал за собой дверь, наглухо отгораживаясь от близких.

Ничто на свете не доставляло ему удовольствия, кроме овощей на огороде, которые он сажал и выращивал каждое лето. Это была его единственная радость и гордость. Мэри-Ли было семь лет, когда отец увидел, как ее любимый домашний кролик объедает листья с кочана капусты. Он свернул шею кролику прямо у нее на глазах и заставил жену зажарить его на ужин. Когда он в один прекрасный день умер от инфаркта, рыхлив мотыгой грядку, Мэри-Ли сочла это своего рода возмездием.

Их мать страдала ипохондрией и вечно жаловалась. Своего мужа она за глаза называла неотесанным мужланом. Сорок лет она старалась довести до сведения каждого, кто хотел слушать, что вышла замуж за неровню, человека много ниже себя по положению. Собственное несчастье стало смыслом ее жизни, и ни для чего другого места не осталось.

Когда слабое здоровье вынудило ее слечь в постель, Мэри-Ли на целое полугодие ушла из школы, чтобы ухаживать за ней. Однажды утром, пытаясь ее разбудить, Мэри-Ли обнаружила, что мать умерла во сне. Позже, когда священник бормотал ей свои банальные утешения, Мэри-Ли подумала, что такая озлобленная и поглощенная собой женщина, как ее мать, не заслужила столь легкого конца.

Дети, родившиеся у такой эмоционально ущербной пары, рано научились полагаться только на себя. Их дом располагался на западной стороне пика Клири, вдали от города, где другие дети собирались и играли вместе. Их родители не умели общаться и не научили этому Уильяма и Мэри-Ли. Навыки общения им пришлось постигать в школе методом проб и ошибок.

Уильям хорошо учился по всем предметам, его усилия вознаграждались высокими оценками в табеле и поощрениями. С той же решительностью он пытался заводить друзей, но его неуклюжие попытки обычно встречали отпор и приводили к противоположным результатам.

То, чего ей не хватало в жизни, Мэри-Ли находила на страницах книг. Уильям был на несколько лет старше и раньше научился читать. Она настояла, чтобы он научил ее, и к пяти годам уже читала книги, которые могли бы поставить в тупик многих взрослых.

Если не считать лет, проведенных в университете, Уильям и Мэри-Ли всю жизнь прожили в одном доме. Когда их мать умерла, Уильям решил, что им пора перебраться в город. Ему и в голову не приходило, что у Мэри-Ли могут быть другие планы. Но и ей не приходило в голову, что можно попытаться жить отдельно от него. Наоборот, она с радостным трепетом приветствовала возможность покинуть мрачное, уродливое строение на горе, вызывавшее много тяжелых воспоминаний.

Они купили маленький аккуратный домик на тихой улице. Мэри-Ли превратила его в уютное жилище, полное света и красок, украшенное растениями в горшках, которых ей так не хватало в старом доме, где она выросла.

Но когда все комнаты были отделаны и последние занавески повешены, она огляделась вокруг и поняла, что все осталось прежним, изменилась только обстановка. Ее жизнь не обрела нового волнующего направления. Ее колея стала более аккуратной и благообразной с виду, но это была прежняя проторенная колея.

А их семейный дом в горах она готова была продать или оставить догнивать, но у Уильяма были другие планы.

– Буря не даст тебе продолжить работы над домом, – заметила она, сметая влажной тряпкой крошки хлеба с обеденного стола себе в ладонь.

– Верно, – кивнул он из-за своей газеты. – Неизвестно, сколько дней пройдет, пока по основному шоссе можно будет проехать. А уж проселок вообще вряд ли будут расчищать.

Проселок, о котором он говорил, петлял по западному склону пика Клири. Там всегда было холоднее, темнее, и признаки наступления весны появлялись там позже, чем на восточном склоне.

– Как только дорога откроется, я могла бы отвезти тебя туда, – предложила Мэри-Ли. – Хочу посмотреть, как у тебя идут дела.

– Работа движется. Я надеюсь закончить, но не к этому лету, а к следующему.

Он хотел капитально отремонтировать и заново обставить дом, чтобы потом сдавать его отпускникам. В округе Клири действовало несколько десятков агентств по недвижимости, предлагавших аренду домов на лето и осень. Уильям делал всю работу сам, нанимая рабочих, только когда это было абсолютно необходимо, и проводил за ремонтом практически все свое свободное время. Для себя Мэри-Ли решила, что ноги ее больше не будет в этом доме, но Уильям радостно предвкушал будущие прибыли, и она поддерживала его.

– Я слышал, что Смитсоны прошлым летом сдавали свой старый дом по полторы тысячи за неделю, – сказал он. – Представляешь? А дом-то был настоящей развалюхой, когда они начали ремонт. Наш будет гораздо лучше.

– Что ты делал сегодня в провизорской с Уэсом и Скоттом Хеймерами?

Он опустил газету и пристально взглянул на сестру.

– Что-что?

– Сегодня в провизорской ты...

– Эту часть я понял. Что значит «что я с ними делал»?

– Что ты так злишься, Уильям? Я просто спросила...

– Я не злюсь. Просто это был странный вопрос, вот и все. Совершенно неуместный. Не хватало еще, чтоб ты спрашивала, какие лекарства выписывают моим клиентам! Ты прекрасно знаешь, что это закрытая информация. Я не имею права ее раскрывать.

На самом деле он был злостным сплетником и обожал судачить, помимо прочего, о медицинских проблемах своих клиентов.

– У тебя есть какие-то личные дела с Уэсом и Скоттом?

Уильям с раздраженным вздохом отложил газету, давая понять, что сестра окончательно испортила ему настроение.

– Личные, но не конфиденциальные. Уэс позвонил мне из школы и сказал, что Дора жалуется на головную боль. Спросил, какие болеутоляющие есть в открытом доступе, что я мог бы рекомендовать. Он зашел забрать лекарство. – Уильям встал, чтобы налить себе вторую чашку кофе, и, глядя на нее поверх края чашки, спросил: – А почему ты спрашиваешь? Думаешь, Уэс зашел только пофлиртовать с тобой?

– Он не флиртовал со мной.

Уильям язвительно прищурился, глядя на нее.

– Он не флиртовал со мной, – настойчиво повторила Мэри-Ли. – Мы просто поболтали.

– Ей-богу, Мэри-Ли, поверить не могу, что тебе может льстить внимание Уэса Хеймера. – Уильям поглядел на нее с жалостью. – Он флиртует со всем, что имеет яичники.

– Не будь пошляком.

– Пошляком? – Уильям даже поперхнулся от смеха: кофе брызгами разлетелся у него изо рта. – Слышала бы ты, как сам Уэс рассуждает о женщинах! Разумеется, когда они не слышат. Он пускает в ход язык сточных канав – ты небось и слов-то таких не знаешь! – и безудержно хвастает своими сексуальными подвигами. Его послушаешь, так можно подумать, что он еще школу не окончил. Ему все равно чем хвастать: победами в постели или на футбольном поле.

Мэри-Ли знала, что эта тирада вызвана главным образом уязвленным самолюбием. Уильям отдал бы все на свете, чтобы стать или хоть казаться таким жеребцом, как Уэс. Он так и не изжил в себе детской зависти к удачливому однокласснику. Статус лучшего ученика не шел ни в какое сравнение с ореолом капитана футбольной команды. Во всяком случае, в округе Клири.

Но она также знала, что его рассказ об Уэсе, пусть и не без преувеличений, был чистой правдой. Она участвовала в работе педсовета вместе с Уэсом Хеймером. Он расхаживал по школе, словно она была его вотчиной. Он пребывал в убеждении, что ничего важнее спорта на свете нет, и раз уж он тренер футбольной команды и спортивный инструктор, значит, он тут главный. Он упивался своим титулом и всюю пользовался связанными с ним привилегиями.

– Тебе известно, что он совращает своих учениц?

– Это сплетни, – возразила Мэри-Ли. – И распространяют их сами девочки. Они спят и видят, чтобы их кто-нибудь совратил.

– Удивляюсь я твоей наивности, Мэри-Ли. Ты совершенно не знаешь жизни. – Уильям сокрушенно покачал головой. – Можешь обманываться насчет Уэса Хеймера, если ты такая глупая, но, как твой старший брат, я должен заботиться о твоих интересах. И мой тебе совет: найди себе другого героя. – С этими словами, захватив с собой кофе и газету, он ушел в гостиную.

Уильям унаследовал от отца любовь к порядку. Ужин должен был ждать его на столе ровно к тому часу, когда он возвращался из аптеки. После ужина он читал газету, пока Мэри-Ли мыла посуду и убирала в кухне. А к тому времени, как она устраивалась в гостиной, чтобы проверить школьные тетради, он уходил в свою спальню и смотрел телевизор перед сном.

Они жили в одном доме, но редко встречались в одной и той же комнате.

Мэри-Ли неизменно спрашивала его, как прошел день в аптеке, а он почти никогда не задавал ей таких же вопросов о школе, как будто ее работа ничего не значила.

Он свободно высказывал вслух свои мысли, чувства, мнения, но лишь отмахивался, когда она делилась с ним своими соображениями.

Он мог уйти из дому вечером, не докладывая ей, когда вернется, где и с кем проводит время. А если ей хотелось куда-нибудь пойти, она должна была заранее предупредить, куда уходит и когда ему ждать ее возвращения.

Когда бесследно исчезла вторая женщина из местных, Уильям стал проявлять особую бдительность по поводу ее приходов и уходов. Нередко Мэри-Ли мысленно спрашивала себя: на самом ли деле он так озабочен ее безопасностью или ему просто нравится демонстрировать свою власть над ней?

Мэри-Ли исполняла все бытовые обязанности жены, не обладая ее статусом. Она была старой девой и делала для своего брата то, чего не могла сделать для другого мужчины за неимением такового. Без сомнения, люди так и думали о ней. Жалостливо качали головами и бормотали ей вслед: «Помилуй бог бедняжку!»

У Уильяма была своя жизнь. У нее тоже. Его жизнь.

До недавних пор, когда все вдруг чудесным образом переменялось.

8

Напряжение, висевшее над обеденным столом в кухне Хеймеров, было таким же увесистым, как бифштекс с кровью, который Дора поставила перед Уэсом. Он отрезал кусок, обмакнул его в лужу кетчупа на своей тарелке и сунул в рот.

– Ты говорил, что анкеты уже заполнены и отправлены, – проговорил он с набитым ртом. – А я захожу к тебе в комнату и вижу, что все они на месте, разбросаны по столу. Значит, ты не только не исполнил свой долг, но еще и солгал мне.

Скотт ссутулился на стуле и, упорно не поднимая глаз, размазывал вилкой картофельное пюре по своей тарелке.

– Я готовился к экзаменам за первое полугодие, папа. А на Рождество мы уехали на неделю к бабушке. А когда начались занятия, мне надо было делать уроки. Я был занят.

Уэс запил мясо глотком пива.

– Ты был занят. Всем, чем угодно, только не своим будущим.

– Нет.

– Уэс!

Он бросил взгляд на жену.

– Не вмешивайся, Дора. Это наш со Скоттом разговор.

– Я начну заполнять анкеты сегодня вечером. – Скотт оттолкнул тарелку и положил салфетку на стол.

– Я начну заполнять их сегодня вечером. – Уэс яростно ткнул ножом в сторону тарелки Скотта. – Доедай.

– Я не голоден.

– Все равно доедай. Тебе нужны протеины.

Скотт расстелил салфетку на коленях и демонстративно атаковал свой бифштекс ножом и вилкой.

– Во время каникул я смотрел сквозь пальцы на то, что ты ел, – сказал Уэс. – Но теперь я с тебя глаз не спущу. До конца весенних тренировок я буду следить за твоей диетой. Больше никаких сладостей.

– Я испекла яблочный пирог, – вставила Дора.

Сочувственный взгляд, брошенный ею на сына, разозлил Уэса даже больше, чем мысль о пироге.

– Половина его проблем исходит от тебя. Ты его избаловала, Дора. Будь твоя воля, он вообще не пошел бы в колледж. Ты держала бы его здесь и нянчила до конца своих дней.

Они закончили ужин в молчании. Скотт упорно не поднимал головы и работал ножом и вилкой, пока не очистил всю тарелку, после чего попросил разрешения уйти.

– Вот что я тебе скажу, – Уэс великодушно подмигнул сыну. – Дай ужину улечься, а потом... Вряд ли один кусок пирога тебе повредит.

– Спасибо.

Скотт бросил салфетку и, громко топая, ушел из кухни. Через несколько секунд дверь его комнаты громко хлопнула, а потом из-за нее донесся грохот рок-н-ролла.

– Пойду поговорю с ним.

Уэс поймал Дору за руку, пока она поднималась из-за стола.

– Оставь его в покое. – Он заставил ее снова сесть. – Пусть похандрит. У него это пройдет.

– В последнее время он что-то слишком часто хандрит.

– Подростковый возраст. У всех подростков бывают перепады настроения.

– Но у Скотта никогда ничего подобного не было. Он в последнее время сам не свой. Что-то не так.

– Я съем свою порцию пирога прямо сейчас, спасибо, – с преувеличенной вежливостью объявил Уэс.

Она стала нарезать остывающий на буфетной стойке пирог, повернувшись к нему спиной.

– Он любит тебя, Уэс. Он старается тебе угодить, но ты вечно им недоволен. Он лучше среагирует на похвалу, чем на критику.

Уэс картинно застонал:

– Неужели мы не можем хоть один вечер провести без этих идиотских рассуждений в духе Опры?¹⁸

Дора поставила перед ним тарелку.

– Мороженого хочешь?

– Разве я когда-нибудь не хотел мороженого?

Дора выставила пластиковый контейнер на стол и выложила горку мороженого на кусок пирога.

– Так ты совсем оттолкнешь от себя Скотта. Ты этого хочешь?

– Чего я хочу, так это спокойно доесть свой десерт.

Когда она повернулась к нему, Уэс на миг с удивлением узнал в ней прежнюю Дору, студентку из колледжа. Он впервые увидел ее, пока она, вскинув сумку с ракеткой на плечо, покачивая бедрами, шла по студенческому городку в коротенькой теннисной юбочке и влажной от пота футболке после матча, который, как он потом узнал, она выиграла с разгромным счетом.

В тот день ее глаза вспыхнули гневом: она увидела, как он, сидя с приятелями на веранде общежития для спортсменов, бросил обертку от шоколадного батончика на ухоженную лужайку.

– Грязный тупой мужлан.

Она взглянула на него так, словно он нагадил в фонтанчик с питьевой водой, никак не меньше. Потом она подошла, подняла обертку и отнесла ее к ближайшей урне. И двинулась дальше, даже не обернувшись ни разу.

Его приятели, включая Датча Бертон, встретили и проводили ее свистом и улюлюканьем. Они особенно возбудились, начали отпускать сальности и двусмысленные предложения, когда она наклонилась за оберткой. Уэс смотрел на нее в глубокой задумчивости. Конечно, ему понравились ее задорно вздернутые сиськи и крепкий задик, тут без вопросов. Но еще больше его завело ее презрительное отношение к нему как к тупой деревенщине.

В большинстве своем студентки падали в обморок, стоило ему только войти в комнату. Девчонки, как и парни, делали зарубки на столбиках кровати, и ночь, проведенная с лучшим спортсменом, котиновалась очень высоко. В то время они с Датчем были звездами футбольной команды. Уэс был центрфорвардом, Датч – защитником-хавбеком. Девушки не отказывали им ни в чем, наоборот, частенько они получали больше, чем просили. Переспать или получить упрощенную быструю процедуру было легко: настолько легко, что секс стал утрачивать свою привлекательность. Эта девушка привлекла его своим независимым духом.

И куда подевался Дорин дух теперь? Он практически испарился после свадьбы, хотя вот сейчас как-то неожиданно проявился.

– Неужели яблочный пирог для тебя важнее сына?

– Ради бога, Дора, я всего лишь хотел...

¹⁸ Опра Уинфрид – популярная телеведущая.

– Когда-нибудь ты оттолкнешь его окончательно. Он уйдет от нас, и мы его больше не увидим.

– Знаешь, в чем твоя проблема? – разозлился Уэс. – Тебе делать нечего, вот что. Сидишь тут целыми днями, смотришь кретинские шоу по телевизору, где бабы перемывают косточки мужчинам, и все, о чем они говорят, – все недостатки! – приписываешь мне. Потом ты выдумываешь все эти ужасы... В нашей семье никогда ничего подобного не будет! Мой папаша был строг со мной, но я от этого не умер! Со мной все в порядке.

– Ты его любишь?

– Кого?

– Своего папашу.

Уэс яростно сунул в рот кусок пирога.

– Я его уважаю.

– Ты его боишься. Трясешься перед этим злобным старикашкой. В штаны готов наложиться от страха.

Уэс бросил ложку на тарелку и встал так стремительно, что его стул грохнулся на пол. Несколько бесконечных секунд они смотрели друг на друга через стол. Потом он улыбнулся.

– Черт, Дора, я просто балдею, когда ты начинаешь ругаться.

Повернувшись к нему спиной, она отвернула краны в раковине. Уэс подошел к ней, протянул руки из-за ее спины и привернул краны.

– Посуда подождет. – Обхватив ее руками за бедра, он прижался к ней сзади. – А вот кое-что другое ждать не может. Из-за тебя у меня такой стояк...

– Засунь его куда-нибудь еще, Уэс.

Он презрительно хмыкнул и разжал руки.

– Что я всегда и делаю.

– Я знаю.

Она вновь включила воду.

* * *

Датч громко постучал в заднюю дверь дома Хеймеров. Через окно он видел, что в кухне горит свет, но она была пуста.

Притоптывая ногами от нетерпения и холода, он еще раз постучал, открыл дверь и крикнул:

– Уэс, это я, Датч!

Он вошел, внеся с собой порыв ледяного ветра, закрыл дверь, прошел через кухню и заглянул в гостиную.

– Уэс? – крикнул Датч в надежде перекрыть раскаты рока, доносившиеся из задней части дома, вероятно из комнаты Скотта.

Дверь, соединяющая кухню с гаражом, открылась у него за спиной. Датч повернулся и увидел входящего Уэса.

– Так ты все-таки пришел! – засмеялся Уэс, увидев Датча посреди своей кухни. – Я так и знал. Знал, что не устоишь, прибежишь посмотреть порнушку. Я заливал антифриз в машину Доры. На таком морозе... – Тут его улыбка померкла. – Что-то случилось?

– Лилли попала в аварию.

– О боже! Она пострадала?

– Нет, не думаю. Не знаю.

Обхватив Датча за плечи, Уэс провел его в гостиную и подтолкнул к дивану. Датч снял шапку и перчатки. От его башмаков на ковре натекла грязная лужица тающего льда, но ни

один из них этого даже не заметил. Уэс налил четверть стакана виски «Джек Дэниэлс» и поставил стакан перед Датчем.

– Выпей, а потом расскажешь, что произошло.

Датч залпом проглотил виски, поморщился и с трудом перевел дух.

– Она оставила мне послание в голосовой почте. Я как раз говорил с родителями Миллисент Ганн и не мог ответить на звонок. Ну, словом, произошла какая-то авария, пока она спускалась с горы. Черт побери, когда я спускался, я же думал, что она едет следом за мной! Не надо мне было уезжать раньше ее. Дорога уже обледенела. Думаю, ее занесло, что-то в этом роде. Откуда мне знать? В общем, она сказала, что вернулась в коттедж и что Бен Тирни...

– Тирни? Это тот... – Уэс пальцами словно пробежался по клавиатуре.

– Да, тот самый. Писатель, искатель приключений или кто он там еще. Лилли сказала, что он пострадал.

– Они что, машинами столкнулись?

– Все, что она сказала, все, что я сумел разобрать... Связь по сотовому была ни к черту, понимаешь? В общем, я понял, что они в коттедже, что Тирни пострадал и что им нужна помощь.

– Что случилось? – спросила вошедшая в гостиную Дора. Она была в халате с высоким воротом и туго затянутым на талии кушаком. Выражением лица она всегда напоминала Датчу канатоходца, только что осознавшего, что он сделал неверный шаг.

Уэс вкратце обрисовал ей ситуацию.

– Лилли сказала тебе, что этот Тирни ранен? Ему плохо? – встревоженно спросила Дора.

Датч отрицательно покачал головой и протянул свой пустой стакан. Уэс наполнил его. На этот раз Датч не стал пить залпом, он осторожно отхлебнул.

– Понятия не имею. Может, у него одна царапина, а может, он на грани смерти. По правде говоря, мне плевать. Я боюсь за Лилли. Я должен подняться туда. Сегодня же.

– Сегодня? – ужаснулась Дора.

Уэс бросил взгляд в окно гостиной.

– Эта дрянь все еще сыплется, Датч. Хуже, чем раньше.

– Ты мне будешь рассказывать! Я же сюда приехал.

Теперь уже все вокруг было покрыто льдом. Дождь лил, не переставая, температура продолжала снижаться.

– И как ты собираешься туда добраться, Датч? Ты не сможешь подняться туда по дороге. Даже от полноприводного внедорожника толку мало на сплошном льду.

– Знаю, – желчно огрызнулся Датч. – Я уже пытался.

– Совсем рехнулся?

– Да, рехнулся! Как услышал ее голос на автоответчике, начал действовать, не задумываясь. Сел в машину и поехал, но... – Он опрокинул в себя остатки виски. – Меня вынесло на обочину, еле руль удержал.

– Я сварю кофе. – Дора отступила в кухню.

– Ты же убиться мог! – воскликнул Уэс. – Как ты мог так сглупить?

Датч сорвался с дивана и начал ходить взад-вперед.

– А что я должен был делать, Уэс? Сидеть здесь и ковырять в заднице, пока лед не растает? А может, пройдет неделя. Я не могу просто сидеть и ждать. А вдруг Лилли тоже ранена? На нее это похоже – ничего мне не сказать.

– Ты встревожен, я понимаю. Но, по большому счету, ты ж за нее больше не в ответе.

Датч стремительно повернулся к нему, стиснув кулаки, готовый врезать своему старому другу. То, что сказал Уэс, было правдой, но эту правду он не желал слушать. И уж

тем более он не желал слушать ее от Уэса. От Уэса, который превосходил его во всем. От Уэса, который никогда не знал горечи поражений, ни минуты не сомневался в себе. От Уэса, который держал все под контролем.

– Я шеф полиции. Даже если отбросить все остальное, я в ответе за Лилли хотя бы в силу своей должности.

Уэс обезоруживающе развел руками.

– Да ладно, ладно, успокойся. Набрасываешься на меня, а толку что?

Датч взял с подноса, принесенного Дорой, кружку кофе и отпил несколько глотков, столь необходимых ему после двух порций виски. Неразбавленное спиртное показалось ему райским нектаром. Аромат, вкус, тепло, разлившееся в животе, приятное, похожее на щекотку, возбуждение в крови... Господи, только теперь он понял, как ему не хватало выпивки. А ведь совсем недавно он без нее часа прожить не мог.

– Кэл Хокинс все еще держит права на грузовик с песком? – спросил он вслух.

– В прошлом году город продлил его договор, – ответил Уэс. – Но только потому, что этот никчемный сукин сын – хозяин драндулета.

– Я послал людей на его поиски. Сам поехал к нему домой. Там темно и заперто наглухо. По телефону никто не отвечает. Если он не работает, не посыпает дороги песком, то где же он?

– Я думаю, в баре, – пожал плечами Уэс. – Вот почему он так любит свою работу. Работы у него – от силы на пару дней в году. Все остальное время он может с чистой совестью накачиваться пойлом.

– Мы уже проверили бары.

– Где продают акцизную выпивку в бутылках с этикетками? – Уэс фыркнул и насмешливо поднял бровь. – Кэла в таком месте не найдешь. – Он вышел в прихожую, вынул из стенового шкафа парку, шапку и перчатки. – Ты сядешь за руль. Я покажу, куда ехать.

– Спасибо за кофе, Дора, – сказал Датч, поднимаясь.

– Прошу вас, будьте осторожны.

– Не жди нас, – вот и все, что сказал ей Уэс.

Они вышли из дома и попали в худший из зимних штормов всех последних лет. Уэс хлопнул Датча по спине.

– Не тушуйся, парень. Вызволим мы твою красотку.

Окно комнаты Скотта выходило на задний двор. Он видел, как его старик и Датч Бертон, скользя, как на катке, добрались до черного «Бронко» с белой полосой на крыше. Датч не заглушил мотор, и выхлоп белым облачком курился позади огромного внедорожника. Пока они задом выезжали со двора, колеса то и дело буксовали, не находя сцепления с дорогой.

Скотт все еще глядел вслед удаляющимся габаритным огням, когда Дора постучала в дверь его комнаты.

– Скотт?

– Входи. – Он понизил громкость стереосистемы.

– Хочешь пирога?

– А можно мне оставить его на завтрак? Я переел мяса. Я видел, как папа уехал с мистером Бертоном.

Она рассказала ему о случившемся.

– Как я поняла, Лилли не спустилась в город вовремя и застряла наверху. Но у нее хоть была причина, а вот что этот мистер Тирни делал сегодня в горах, хоть убей, не понимаю.

– Он же турист-профессионал.

– Тем более. Уж ему ли не знать, что, когда надвигается буря, в горах делать нечего?

Скотт тоже над этим задумывался. Он сам любил лазить по горам и не раз читал статьи Тирни о местных маршрутах. Он с детства ходил в походы по горным лесам, разбивал

палатки сперва в отряде бойскаутов, а потом и в одиночку. Но, хотя Скотт излазил пик Клири вдоль и поперек, он прекрасно знал, что даже в погожий день можно наткнуться на опасный участок. И он уж точно не хотел бы оказаться на горе в этот день, когда разразилась ледяная буря.

– Даже если они найдут Кэла Хокинса, вряд ли кто-нибудь сумеет подняться по шоссе сегодня вечером, – заметил он.

– Вот и я так думаю. Но разве станут они меня слушать. Если есть на свете упрямец хуже твоего отца, так это Датч Бертон. Принести тебе чего-нибудь? Может, чашку горячего шоколада?

– Спасибо, мам. Ничего не нужно. Я посижу еще над этими анкетами. Я же обещал отцу. А потом лягу.

– Ладно, спокойной ночи. Спи крепко.

– Не забудь все запереть и включить сигнализацию на ночь, – сказал Скотт, когда она повернулась, чтобы уходить.

Дора улыбнулась ему.

– Не забуду. Твой отец каждый день мне напоминает, что двери и окна надо держать закрытыми, особенно с тех пор, как Миллисент пропала. Но я не боюсь, что к нам кто-то вломится.

«С какой стати тебе бояться?» – подумал Скотт. Он знал, что в ящике тумбочки возле ее кровати лежит заряженный револьвер. Ему не полагалось об этом знать, но он знал. Он обнаружил револьвер, когда учился в шестом классе и забрался в спальню родителей в поисках презервативов: хотел стянуть парочку, чтобы произвести впечатление на школьных товарищей. Презервативов он не нашел: оказалось, что родители пользуются спермицидной смазкой. Но вот револьвер, лежавший в ящике рядом с тюбиком смазки, произвел впечатление на него самого.

– Не верю я, что Миллисент и остальных захватили силой, – продолжала Дора. – Кем бы ни был этот похититель, женщины, похоже, его знали или хотя бы узнавали и считали безобидным. Судя по всему, они по собственной воле составляли ему компанию.

– Все равно будь осторожна, мама.

Она послала ему воздушный поцелуй.

– Обещаю.

Как только дверь за ней закрылась, Скотт врубил аудиосистему на полную громкость и настроил таймер на автоматическое отключение через двадцать минут, после чего натянул на себя теплую одежду для своей тайной вылазки.

Окно его спальни открылось совершенно беззвучно: Скотт не забывал смазывать петли. В мгновение ока он оказался снаружи и осторожно закрыл за собой окно. Он не хотел, чтобы мать почувствовала холодный сквозняк и отправилась выяснять, откуда он взялся.

На ледяном ветру у него заслезились глаза и потекло из носа. Он съежился под ледяным дождем, сунул руки в перчатках глубоко в карманы и, держась неосвещенной стороны двора, двинулся в путь.

Скотту – особенно после очередных нотаций старика по поводу того, что вот, дескать, он отлынивает от тренировок, хотя на самом деле он жилы рвал, стараясь выполнить все в точности, – просто необходимо было улизнуть из дома.

Разумеется, что бы он ни делал, его старику все было мало. Любая голубая лента была недостаточно голубой, любой серебряный кубок – недостаточно блестящим для сына Уэса Хеймера. Получи он золотую медаль на Олимпиаде, старик остался бы недоволен и спросил бы, почему не две.

Увидев приближающиеся фары, Скотт нырнул за живую изгородь и выждал, пока машина не проедет. Вдруг это «Бронко» Датча Бертон возвращается? Машина ползла с

черепашьей скоростью, не больше десяти миль в час, Скотт успел заоченеть, прежде чем она поравнялась с ним. Но его опасения оказались напрасными: это был не «Бронко» шефа полиции. Скотт снова двинулся вперед, подняв воротник и низко надвинув вязаную шапку, чтобы его ненароком не узнал кто-нибудь, наблюдающий за бурей из окна.

Люди в этом городе обожали сплетничать. Если бы кто-то заметил его на улице и узнал, а потом стукнул старику, у него была бы чертова уйма неприятностей. А если бы он вдруг поскользнулся, упал и что-нибудь себе сломал? Старика хватил бы удар, как пить дать. Но сначала старик убил бы его, Скотта.

Погрузившись в эти мысли, Скотт как будто навлек на себя беду: поскользнулся на обледенелом тротуаре и грохнулся. Ноги разъехались в стороны, он не удержался и весьма ощутимо приземлился на копчик. Ощущение было такое, будто позвоночник вошел прямо в черепную коробку.

Скотт несколько секунд не двигался, пытаясь прийти в себя, прежде чем смог подняться. Наверняка его попытки встать на ноги на скользкой поверхности со стороны выглядели комично, но в конце концов ему это удалось. Он, хромая, доплелся до ближайшего забора и привалился к нему.

– Господи, – прошептал Скотт, воображая, что сделал бы с ним старик, если бы он притаился домой с раздробленной лодыжкой или сломанной берцовой костью.

«Видишь ли, папа, вот как было дело. Я тайком удрал из дома. Шел по улице, поскользнулся на льду и упал. Слышал бы ты, с каким звуком сломалась эта кость! Как будто стукнулись друг о друга брусья два на четыре дюйма». Так, тут надо изобразить тяжкий вздох. «Похоже, мне все-таки не светит приглашение в «Алый рассвет» Алабамы. Придется им выигрывать чемпионат по американскому футболу без меня».

Двигаясь вперед по тротуару, держась ближе к забору, он с содроганием представил себе, каким бы образом эта роковая случайность отразилась на всей его жизни. Это была бы вторая Хиросима. Ему пришлось бы расплачиваться за нее вплоть до дня собственных похорон, и даже тогда его старик кричал бы, склонившись над его открытым гробом: «Какого черта, Скотт? О чем ты только думал, мать твою?!» Даже если бы пришел конец его великим амбициям насчет Скотта, Уэс Хеймер не перестал бы шпынять и пилить сына.

Скотт оглянулся на участок наледи, где он поскользнулся. Черт возьми, все могло кончиться еще хуже. Ему крупно повезло, что он не сломал себе шею.

А может, не повезло?

Эта мысль без всякого предупреждения вылетела из подсознания Скотта и заставила его замереть на ходу. «И откуда взялась эта крамольная мысль?» – удивился Скотт.

Такая мысль сама по себе могла поразить, как молния. Последнее время он делал кое-какие вещи, которые любой моральный устав или религия сочли бы достойными вечного проклятия. Но до этой минуты он не опасался геенны огненной и ужаснулся только сейчас, когда в его голову закралась эта предательская мысль. Но ведь за мысли не судят? И кто может узнать?

Прошло несколько минут, прежде чем Скотт продолжил свой путь.

С предельной осторожностью.

9

Как только Тирни напомнил ей, что теперь она не замужем, Лилли отбросила плед и вскочила с дивана. Он вполне мог попытаться удержать ее рядом с собой, но травмы не позволяли ему двигаться быстро. Он сумел лишь, покачиваясь, подняться на ноги.

– Лилли, послушай...

– Нет, это ты послушай меня, Тирни. – Хотя он не прикоснулся к ней, Лилли выставила вперед руку, пресекая любую попытку. – Ситуация и без того тревожная, так что не стоит...

– Тревожная? Ты встревожена? Ты не считаешь, что со мной ты в безопасности?

– В безопасности? Да, конечно. Кто сказал хоть слово о безопасности? Просто дело в том...

– В чем?

Вопрос повис в воздухе.

– Нам нельзя углубляться в личные отношения. Я считаю, что этого следует всячески избегать, пока мы здесь. Давай оставим все личное в покое и сосредоточимся на практических делах.

Тирни, казалось, готов был спорить, но она добавила «пожалуйста», и это смягчило резкость ее тона.

– Ладно, давай вернемся к практическим делам, – неохотно согласился Тирни. – Могу предложить одно сугубо практическое дело.

– Какое, например?

– Обыск.

Тирни предложил обыскать комнаты в надежде обнаружить что-нибудь, забытое раньше, когда она вывозила вещи из коттеджа. Сам он решил начать с кухни и, отвернувшись от нее, заковылял туда.

– Тирни?

Он вернулся.

– Ты с ними потом встречался? – спросила Лилли, не давая себе времени передумать или потерять решимость.

– С кем? – удивленно спросил он.

– С девушками из колледжа. Ну, с теми, из джипа. Ты еще сказал, что от таких только и жди беды. Когда я отклонила твоё предложение встретиться и выпить вместе, ты поехал за ними?

Он смерил ее долгим взглядом, повернулся и направился в кухню.

– Проверь, может, что-нибудь полезное найдешь в спальне или в ванной.

В спальне обнаружили только три заколки-невидимки, застрявшие в щели одного из ящиков комода. Она принесла их Тирни.

– Вот и все. Были еще двадохлых таракана под кроватью. Я не стала их трогать.

– Они могут нам понадобиться. Как-никак протеины. – Тирни почти не шутил. Сам он обнаружил две свечи. Искривленные, они тем не менее могли оказаться незаменимыми, если вдруг отключат электричество. – Они были в ящике буфета. Закатились к задней стенке.

Он тяжело привалился к буфетной стойке. Его глаза были закрыты.

– Тебе бы лучше прилечь, – сказала Лилли.

– Нет, я в порядке, – пробормотал Тирни, открывая глаза.

– По-моему, ты сейчас перевернешься килем вверх.

– Просто еще один приступ головокружения. – Оттолкнувшись от стойки, он подошел к окну и отодвинул занавеску. – Я тут подумал...

Лилли ждала, пока он выскажет свою мысль. У нее было скверное предчувствие.

– Если вслед за этим дождем пойдет настоящий снег, – а на такой высоте этого следует ожидать, – наша ситуация станет почти безнадежной. Меня беспокоит пропан. Если он весь выгорит, нам понадобится топливо. – Тирни повернулся к ней лицом. – Сейчас еще ничего, потом будет хуже. Я пойду в сарай и принесу дров. Сколько смогу.

Лилли взглянула на окно, потом перевела взгляд на Тирни.

– Ты не можешь туда идти! Ты едва на ногах держишься! У тебя сотрясение мозга, в конце концов!

– Вряд ли это будет иметь значение, если мы тут замерзнем насмерть.

– Забудь об этом. Ты не можешь идти. Я тебя не пушу.

Он улыбнулся ее горячности.

– Я не спрашиваю у тебя разрешения, Лилли.

– Я сама пойду.

Но ей стало страшно при одной только мысли о том, что придется покинуть безопасный и сравнительно теплый коттедж.

Тирни смерил ее критическим взглядом.

– У тебя сил не хватит принести, сколько нам нужно. У меня тоже сил немного, но уж побольше, чем у тебя. Да и сапоги у тебя мокрые, можешь пальцы отморозить. Придется мне идти как ни крути.

Они поспорили еще минут пять, и все это время, несмотря на все ее доводы, он готовился к выходу.

– В сарае есть еще что-нибудь полезное? Санки, например? Что-нибудь, на чем можно подтащить дрова?

Лилли перебрала в уме содержимое сарая и покачала головой.

– К сожалению, мы с Датчем давно уже забрали все, кроме нескольких самых простых инструментов. Как войдешь, справа от себя увидишь большой деревянный сундук. Мы его использовали для хранения инструментов. Может, найдешь что-нибудь полезное. Там есть топор, это я точно знаю. Настоящий колун, не то что топорик на крыльце. Ты же говорил, что дрова надо расколоть. Захвати топор, если сможешь.

– Значит, я спускаюсь с крыльца и поворачиваю вон туда, верно? – Тирни показал рукой общее направление.

– Верно.

– Есть что-нибудь по дороге, чего мне следует опасаться? Ну, например, пеня, яма, валун?

Лилли задумалась.

– Нет, по-моему, ничего такого нет. Дорога ровная. Но как только ты пересечешь прогалину и углубишься в лес...

– Знаю, – ответил он мрачно. – Будет гораздо тяжелее.

– Как ты там что-нибудь разглядишь?

Тирни извлек из кармана куртки миниатюрный фонарик. Лилли сочла его ненадежным.

– А вдруг батарейка сядет? Ты можешь заблудиться.

– У меня есть шестое чувство, я умею ориентироваться. Если я сумею туда добраться, значит, сумею и вернуться. Но если свет в доме погаснет, пока меня нет... Я жду этого с минуты на минуту. Обледенение проводов – штука скверная, – пояснил Тирни. Лилли согласно кивнула. – Ну, словом, если свет в доме погаснет, зажги одну из свечей и поставь ее на подоконник.

– У меня нет спичек.

Он вытащил коробок из другого кармана и протянул ей.

– Держи спички и свечи под рукой, чтоб не шарить в темноте, когда они тебе понадобятся.

Ее вдруг с новой силой поразило все безумие затеи с дровами.

– Тирни, прошу тебя, не ходи. Мы можем сломать мебель и пустить ее на растопку. Полки, кофейный столик, дверцы шкафов. Нас спасут раньше, чем топливо кончится. Пропана может оказаться больше, чем мы думаем.

– Я не хочу полагаться на случай. И нет смысла крушить мебель без крайней необходимости. Со мной все будет в порядке. Я бывал и не в таких переделках.

– Под ледяным дождем?

Вместо ответа он взял свою вязаную шапочку. И тут же гримаса исказила его красивое лицо.

– Она вся задубела от крови. Можно мне одолжить твой плед?

Лилли помогла ему соорудить из пледа накидку с капюшоном, но, когда он двинулся к двери, все-таки пустила в ход последний аргумент:

– Человеку с сотрясением мозга нагрузки противопоказаны. Ты можешь потерять сознание, твое шестое чувство может отказать, ты можешь заблудиться и сорваться с утеса или замерзнуть насмерть.

– Мы, идущие на смерть... – продекламировал он замогильным голосом и отсалютовал ей.

– Не шути так!

– Да я и не думал шутить. – Тирни обмотал нижнюю половину лица шарфом и взялся за дверную ручку, но помедлил, повернулся к Лилли и стянул шарф со рта. – Если я не сумею вернуться, знаешь, о чем я больше всего буду жалеть? Что так и не поцеловал тебя.

В его глазах словно запрыгали озорные искорки. Его дерзкий взгляд приковал ее к месту. А Тирни как ни в чем не бывало снова натянул шарф на подбородок. Когда он открыл дверь, порыв ледяного воздуха ударил ее по лицу, как пощечина. Тирни переступил через порог наружу и плотно закрыл за собой дверь.

Бросившись к окну, Лилли отдернула занавеску, чтобы свет из окна освещал ему дорогу. Он обернулся и показал ей большой палец в знак благодарности. Лилли перешла к другому окну, отдернула занавеску и там, а потом стала следить за Тирни сквозь обледенелое стекло. Он осторожно ставил одну ногу впереди другой и при каждом шаге проверял, имеется ли под ногой твердая опора, прежде чем перенести на нее вес.

Освещенные окна бросали квадраты света на пространство перед домом, но вскоре Тирни пересек это пространство и вошел в полосу тени. Лилли нетерпеливо стерла туманный осадок, образовавшийся на стекле от ее дыхания, и разглядела слабый лучик фонарика, беспорядочно пляшущий в струях ледяного дождя.

А вскоре и он пропал из вида.

* * *

Они нашли Кэла Хокинса там, где и предполагал Уэс.

Это было в лесу, где грунтовая дорога упиралась в отвесную стену двухсотфутовой высоты. Вот под этой стеной и ютилось одноэтажное строение без окон, похожее на коробку из-под печенья.

В середине плоского фасада имелась исцарапанная железная дверь. Освещение давала голая электрическая лампочка, ввернутая в патрон над дверью. Перед сооружением стояли три пикапа. Судя по толщине наледи на ветровых стеклах, они стояли здесь довольно давно.

Датчу пришлось несладко, пока он скользил в своем «Бронко» по двухмильному отрезку темной, узкой, опасной дороги, поэтому он вошел вслед за Уэсом внутрь в самом свирепом настроении. В тускло освещенном помещении было крепко накурено, в воздухе висел табачный дым, пахло сивухой. Им пришлось переступать через лужицы табачной

жижи на полу, пока они пробирались к доске из прессованных стружек, которая служила стойкой бара.

– Кэл Хокинс, – лаконично бросил Датч.

Бармен кивком указал в угол. Хокинс сидел, вернее, полулежал за одним из шатких столиков. Его голова упала на стол, руки безжизненно висели вдоль тела. Он храпел.

– И вот так уже битый час, – признался бармен. – А на что он вам?

– Что он пил? – уточнил Датч, оставляя вопрос без ответа.

– Они с собой принесли.

Бармен ткнул большим пальцем в направлении второго занятого столика, за которым восседала троица угрюмых бородатых мужчин. Они играли в карты под укрепленной на стене головой оскаленного черного медведя.

– Самый высокий показатель умственных способностей у медведя, – шепнул Уэс Датчу. – Надеюсь, оружие у тебя не для мебели. У них-то точно для дела, можешь мне поверить.

Датч уже заметил дробовики, прислоненные к каждому из стульев.

– Прикрой меня.

Он подошел к столу, за которым храпел, отсыпаясь, Хокинс. Из его разинутого рта на стол натекла лужица слюны. Датч размахнулся ногой и буквально вышиб из-под него стул. Приземление оказалось жестким.

– Какого черта? – заорал Хокинс. Он поднялся с пола, стиснув кулаки, но попятился и заморгал, заметив поблескивающий полицейский жетон. – Привет, Датч. Я в детстве смотрел, как ты играешь в футбол.

– Бросил бы я твою дерьмовую задницу в камеру, – прорычал Датч, – но раз ты настолько трезв, чтобы делать глупости, значит, и работать сможешь. Ты мне нужен.

Хокинс утер слюну с подбородка тыльной стороной ладони.

– Зачем?

– А ты как думаешь? – Датч придвинулся к самому его лицу, но тут же отшатнулся, не выдержав неопишуемого запаха перегара. – У тебя контракт с городом на содержание дорог, значит, посыпать песком дороги – твоя работа, так? А теперь у меня для тебя новость: у нас сейчас как раз гололед, если ты еще не в курсе. А ты где ошиваешься? В какой-то зачуханной дыре, пьяный в дупель. Я полдня потерял, разыскивая тебя, а у меня, поверь, полминуты свободной нет.

Он сорвал со спинки стула куртку Хокинса и швырнул ему. Хокинсу удалось поймать куртку, и Датч с облегчением отметил, что рефлекс у него не полностью отключился.

– Выметайся отсюда немедленно. Мы поедем за тобой в гараж. Твой грузовик ждет тебя, он уже загружен песком. Ключи с тобой?

Хокинс сунул руку в карман засаленных джинсов, вытащил связку ключей и протянул ее Датчу.

– А почему бы тебе просто не взять их и...

– Я бы взял, но никто, кроме тебя, не знает, как управлять механизмами, и только ты застрахован на вождение грузовика с песком. Мне судебный иск ни к чему, и городу тоже. Пошли, Хокинс. И если ты думаешь, что сможешь от меня улизнуть по дороге в город, лучше забудь об этом сразу. Я буду держаться так близко, что смогу укусить тебя за задницу через выхлопную трубу. Пошли.

– Все это без толку, шеф, – запротестовал Хокинс, когда Датч пинком подтолкнул его к выходу. – Я с тобой, конечно, пойду, только с неба такое сыплется, что мы даром песок потратим. И тебе это встанет вдвое, потому что завтра все равно придется заново посыпать.

– Это моя забота. Твоя забота – делать что положено, а не то избыть до полусмерти.

* * *

Лилли в тревоге ждала возвращения Тирни и радостно вскрикнула, когда он появился из темноты. Он что-то волок за собой. Когда он подошел ближе, она разглядела, что это кусок брезента, на котором были уложены дрова.

Он оставил брезент у крыльца и, спотыкаясь, взобрался по ступенькам. Лилли открыла дверь, подхватила его за рукав куртки и втащила внутрь. Он привалился к косяку и сдвинул свой импровизированный капюшон. Его брови и ресницы заиндевели. Лилли инстинктивно протянула руку и смахнула иней.

– Дай воды!

Она бросилась в кухню и наполнила стакан из кувшина, заметив на ходу, что струйка из крана иссякла. Хорошо, что они успели наполнить все имеющиеся емкости.

Тирни соскользнул по стене и сел, прислонившись спиной к косяку и вытянув перед собой ноги. Он снял перчатки и теперь сжимал и разжимал пальцы. Лилли опустилась на колени рядом с ним. Он взял у нее стакан воды и выпил все до дна и благодарно кивнул.

– С тобой все в порядке?

Он снова кивнул, но не сказал ни слова.

В обычных условиях до сарая можно было дойти за минуту. Если верить ее наручным часам, его не было тридцать восемь минут, и все это время она мысленно бичевала себя за то, что отпустила его.

– Я рада, что ты вернулся, – искренне призналась Лилли.

– Я опять пойду, только передохну немного.

– Что?

Тирни со стоном вполз вверх по стене и принял стоячее положение. Стоячее, но неустойчивое. Его шатало из стороны в сторону, казалось, он держится на ногах только потому, что подошвы его башмаков прилипли к полу.

– Тирни, ты же не можешь!

– Лишняя вязанка может быть жизненно необходима. Думаю, на этот раз я так долго не задержусь, – сказал он, натягивая перчатки. – Теперь я знаю, где что лежит. Я много времени потратил, ориентируясь там на ощупь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.